

КОСТЁР

1 ИЮНЯ —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ
ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

6 ИЮНЬ 1978

КОСТЁР

6
ИЮНЬ

1978

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“, 1978 г.

СКОРО ФЕСТИВАЛЬ!

Летом в Гаване жарко. Океан тих, с утра на каменных глыбах, которыми защищена от осенних штормов набережная Маликон, как горох, рассыпаны фигурки рыбаков. Это сидят терпеливые кубинские мальчишки.

Они уйдут в полдень в самое пекло, но вернутся снова вечером, когда с океана потянет прохладный тугой бриз. Только в руках у них теперь будут не удочки, а бумажные змеи и катушки белых ниток. Словно стая вечерних птиц, взлетят бумажные планеры над Маликоном.

К причалам Гаваны скоро пришвартуются разноцветные теплоходы. Юноши и девушки — русские, немцы, французы, венгры, вьетнамцы... Пестрые толпы выплеснутся на улицы тропического города.

Ребята принесут с собой самодельные плакаты, кипы рисунков. В шко-

Абутагер Кхандокер,
10 лет
Бангладеш

ЛОВЛЯ РЫБОК

В ЛЕСУ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Лужи сохнут на опушке,
Травы сытые шуршат,
Безмятежные лягушки
Учат квакать лягушат.

Зяц выставил на солнце
Уши мокрые сушить...
Песня звонкая несется:
— Хорошо на свете жить!

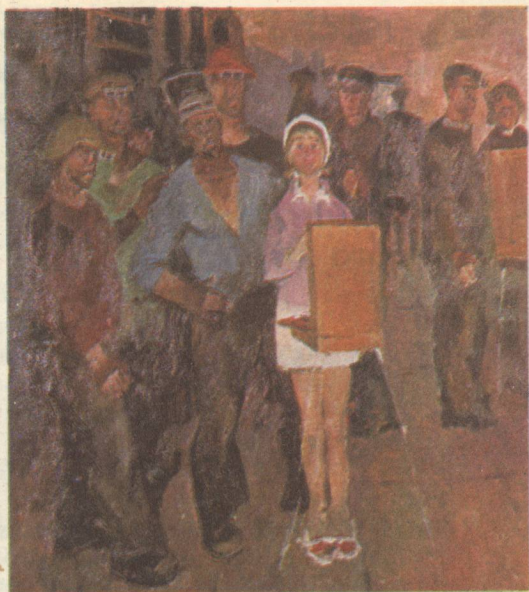
Тима Животовский,
СССР

ЕСЛИ БЫ Я МОГЛА

Если бы я могла изменить мир,
То первым делом прекратила бы войны.
Тогда ни один завод не делал бы ружья и танки,
Все солдаты трудились бы на фермах,
Миллионы детей в Азии, Африке и в Южной Америке
не голодали.

Еще я бы напечатала для всех школьников
бесплатные учебники.
Земля стала бы прекрасным местечком!

Каролин Мартин, 12 лет,
Австралия

Борис Михайлов,
16 лет
СССР

**ХУДОЖНИЦА
НА ЗАВОДЕ**

ФУТБОЛ

Моя любимая игра — футбол.
Мне недавно подарили новый мяч.
Да вот беда — не с кем играть.
Моя мама умеет играть в футбол,
Но она очень занята

и поздно приходит домой.

*Джесон Хактер, 6 лет,
Англия*

ФУТБОЛ

Мария Вроблевская, 12 лет
Польская Народная Республика

лах и в парках Гаваны зазвучит музыка всех стран, юные поэты и артисты будут выступать перед своими сверстниками...

В этом номере журнала мы печатаем много стихотворений, написанных детьми разных стран мира, помещаем рисунки. Внимательно прочти и рассмотри их. Не правда ли, как похожи мысли и надежды школьников — белых, черных, желтых!

Вот почему 1 июня весь мир отмечает как общий день — Международный день защиты детей. Какого отца, какую мать не заботит будущее, которое ожидает их дочь или их сына!

Вот почему — ты должен знать — в большинстве стран созданы детские и юношеские организации, которые вместе со взрослыми борются за то, чтобы это будущее не было омрачено войной, голодом, безработицей.

Вот почему весь мир недавно отметил двадцатилетие Комитета, который объединил эти союзы и общества, — СИМЕА, Международный комитет детских и юношеских организаций.

Вот почему так радостно готовятся эти организации к встрече на Кубе.

Скоро фестиваль!

**НА ОБЛОЖКЕ ПЛАКАТ
БОЛГАРСКИХ ПИОНЕРОВ,
СДЕЛАННЫЙ В АРТЕКЕ
НА ФЕСТИВАЛЕ
«ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ СОЛНЦЕ!»**

Разговор в степи. А. В. Гиталов с юными механизаторами

Сергей Новаторов —
член
ученической
бригады

Фото
В. Арсирия

**«Граждане СССР обяза-
ны заботиться о воспита-
нии детей, готовить их к
общественно полезному
труду, растить достойны-
ми членами социалисти-
ческого общества».**

Конституция СССР

СТЕПЬ

Чтоб ее, степь, понять — надо быть немного лириком. У пшеничного поля, как и у человека, своя жизнь. Для нас весна и зима — времена года, для него — это рождение и смерть. А между ними — жизнь. И каждый год — другая, разная. Если замечаешь это вечное обновление, то и работа для тебя как праздник. Не дано увидеть, не дано радоваться — значит, не на своем месте.

Вот заколосилась пшеница вокруг села. Колышется волнами, машет тугим колосом. Высокая, крепкая, радует глаз. Я уже весь в нетерпении, вот-вот наступит час ее убирать.

Рядом ребяташки. По-отцовски глядят на поле. Разотрут в крепких ладошках колос, скажут друг другу: — Скоро и мы начнем.

Дело ученической бригады нешуточное — 56 гектаров. Сами пахали, сеяли, сами и убирать будут. И ведь все до единого зернышка уберут! Да еще высушат и сохранят.

Вот выбегают на поле шумные пятиклашки. Они еще проходят азы хлеборобной науки: в саду, на пришкольном участке, в отрядах по охране урожая, на сушке зерна, очистке початков кукурузы. К восьмому классу уже трактор знают, комбайн, машину.

Восьмиклассник — уже солидный человек. У старшеклассников своя бригада, своя техника. Они вызывают на соревнование молодых механизаторов из моей бригады и уже никто заранее не берется предсказать, кто победит.

Когда пришли на поля многосильные тракторы, комбайны, машины, произошел психологический по-

ворот в сознании и родителей, и детей.

Ребята сразу почувствовали перспективу, у них больше стало интереса к земле.

Налился, зазвенел колос. И сразу ожили комбайны, машины. Ребята на них работают всласть. Просоленная рубашка, мозоли на руках и — почет. Почет за труд!

Мне один из них говорит:

— Как хорошо, что меня с детства научили любить свое село, свое поле, понимать, что будущее колхоза зависит от нас, молодых его жителей.

И мне с ребятами легко, мы понимаем друг друга.

Бригадир ученической бригады Виталий Поповкин вместе с аттестатом получил трудовую книжку колхозника. И сразу вручили ему трактор, без стажировки.

— Доверяем, — сказали. И не ошиблись.

Самые боевые — Саша Молдованов, Александр Гирыч, Володя Шатненко, Виталий Поповкин, Женя Петерс, Коля Моргуненко — уже своих отцов начали догонять.

Выходят из ученической бригады люди зрелые. Половина из них остается в колхозе. Причем теперь остаются лучшие, даже медалисты. Все, кто хочет, поступают учиться и вузы оканчивают заочно. Многих колхоз сам посылает. Нам сейчас разные специалисты нужны.

Девочки не смотрят на тракторы — конкуренция со стороны мальчишек очень сильна. Девочки становятся полеводцами, доярками, огородниками, воспитательницами и кулинарами. Они тоже поступают учиться и получают дипломы, становятся инженерами, экономистами, бухгалтерами, ветеринарами... Все они нужны селу, а село — им.

Стоит в Кировоградской степи богатое село Камышеватое. Вокруг, в полях, по густой пшенице уступом идут комбайны, оставляют за собой ровные, как по линейке, следы и хрустящие копны соломы. С разгона подъезжают машины к комбайнам, и сыплется в кузова тяжелая, душистая пшеница.

Это — наша хлеборобская, честная, соленая работа на земле!

А. В. ГИТАЛОВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
член Президиума
Верховного Совета СССР,
бригадир тракторной бригады
колхоза имени XX съезда КПСС

Иван Кривошеев — сын хлебороба Ивана Кривошеева

Когда рядом одноклассники, веселее идет работа

Утро первого рабочего дня

ХАН МАМАЙ

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Олег ТИХОМИРОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунок А. Аземши

БОРЬБА ДВУХ КНЯЗЕЙ

В Твери встречали дорогого гостя. По-русски встречали — закатили пир, одарили подарками. Князь Михаил Александрович не жалел ни вина, ни золота. Пусть знают татары, как рады в Твери ханскому послу. Весь день и всю ночь пировали.

Неспроста окружил Михаил Александрович почетом гостя из государства татарского —

Золотой Орды. Посол привез от хана ярлык, грамоту на Великое княжение Всея Руси. Это значило, что тверской князь признавался старшим среди русских князей, а они все должны подчиняться ему «без ослушания», поставлять ему войска, которые он требует. «Теперь, — думал он, — расправлюсь с Москвой да с князем Дмитрием».

Давно между русскими княжествами шла борьба за ханский ярлык. Татарам это было на руку: пусть воюют меж собой князья, пусть

будет у них меньше сил, меньше воинов, лишь бы дань Золотой Орде платили исправно. А поднимется кто на Орду с оружием, легче будет разбить слабые княжества, подавить всех по отдельности.

Вот и князь тверской Михаил не первый год уже держит спор с московским князем Дмитрием — кому «владети» ханским ярлыком, кому над всеми начальствовать. Хитер хан татарский; то одному из них даст ярлык, то другому. Пусть спорят. Лишь бы сообща против татар не выступили.

Теперь же хану было выгоднее поддержать Тверь, а не Москву. Слишком сильна Москва стала. Дмитрий Иванович присоединил к своему княжеству крупные города — Калугу, Дмитров, Владимир. Обнес он Москву каменными стенами взамен дубовых. К стенам башни пристроил. Крепка Москва и красива.

И тверской князь объявил войну князю московскому. Это был год 1375. Но все получилось не так, как задумал Михаил Александрович. Ни татары, ни литовцы войск прислать не успели.

А Дмитрий Иванович двинул свои полки на Тверь. Вместе с ним шли войска девятнадцати князей и еще отряды новгородские.

Как взяли они Тверь в осаду, испугался Михаил Александрович: «понеже вся русская земля восста на него», да и свой народ на князя озлобился — зачем, мол, с татарами сговаривался. На помощь Твери литовцы было выступили, но узнали, какое войско большое привел князь Дмитрий, и повернули назад.

Стал просить пощады Михаил Александрович, стал просить мира, отдаваясь «на всю волю» московского князя.

Заклучили князья меж собой соглашение. Признал князь тверской Дмитрия Ивановича «братом старейшим», обещал не ходить больше на Москву, никогда с татарами не сговариваться, не просить ярлыка ханского. А ежели татары на Русь нападут «или мы на них пойдём», то тверской князь своими войсками должен будет помочь князю московскому.

Так становилась Москва во главе Руси. Собирала силы грозные. Объединяла народ русский. Только такими силами можно было ударить по ненавистному врагу — по Золотой Орде.

НАБЕГИ ТАТАР

Хан Мамай выслушал гонца, коротко кивнул: ступай, мол.

Гонец выходил из ханского шатра, согнувшись, вобрав голову в плечи: знал, что привез худую весть. Не осердился бы хан, не сорвал на нем свое зло.

Но хану было не до него. Он велел никого к себе больше не пускать. Сидел, нахмурился. Раздумывал.

Тревожные вести приходили с севера одна за другой. Слишком высоко поднял московский

князь голову. Ханские распоряжения ни во что не ставит. Прав, пожалованных тверскому князю, не признал. А ведь еще недавно покорным был князь Дмитрий — сам приезжал в Золотую Орду, чтобы получить ярлык из рук ханских.

«Нужно бы проучить Москву. А князя Дмитрия — в бараний рог согнуть, чтоб никогда больше не выпрямился, чтоб мог только в землю смотреть».

Но вначале Мамай решил покорить тех, кто заодно выступал с князем Дмитрием. На расправу были посланы крупные отряды.

И опять застонала русская земля под копытами татарской конницы. Воинам был дан короткий приказ: «Жечь, грабить, убивать».

Не нов был этот приказ. Уже полтора века опустошали татары русские княжества. Лилась кровь. От городов и селений оставались лишь пепел и развалины. Сильным и жестоким было татарское войско. «Никому не давать пощады» — таков был давний военный приказ.

Стойко держались русские и большой урон наносили татарам, но неравные были силы — огромной черной тучей надвигалась вражеская конница. На этот раз пострадали нижегородские и новосильские земли. «Зачем воевали Тверь?» — кричали татарские воины. Сожжен был и город Кашин, отошедший от Тверского княжества.

Князь Дмитрий Иванович, опасаясь нашествия на Москву, собрал большое войско и вывел его к Оке. Но золотоордынцы отступили на юг и некоторое время не появлялись. Только понимала Русь — не надолго такая передышка, того и гляди, вновь «гости» пожалуют.

И верно — прошло два года, и новое войско посылает Мамай. Во главе его он назначил царевича Арапшу. Татары опять напали на нижегородское княжество. Дмитрий Иванович тут же двинул на помощь Нижнему Новгороду московские полки.

Хитер был Арапша. Он сделал вид, что уводит свое войско назад. Не обнаружив татар, московский князь Дмитрий оставил часть полков, а сам вернулся в свой столичный град.

Нижегородцы и оставшиеся москвичи пустились вдогонку за Арапшей. Но тот не хотел принимать боя, отступал, отступал. Все дальше уходили русские полки от Нижнего Новгорода, вот уже и через реку Пьяну перешли. Тут их и окружил незаметно Арапша с помощью мордовских князей. И с тыла напали, и в лоб ударили. Разгромлены были русские, а вслед за этим захватили татары Нижний Новгород, разграбили его да сожгли.

Мамай собирался кинуть на Русь полчища несметные, все княжества разорить и прежде всего — Москву. Но у хана в самой Золотой Орде были раздоры. Не мог он даже на время оставить трон, и посылал пока походами своих военачальников на отдельные русские княжества. Он говорил приближенным: «Русских все время нужно в страхе держать. Пусть днем и ночью помнят про нашу силу».

Летом 1378 года он отправил с большим войском своего верного мурзу Бегича.

Бегич помышлял напасть на Москву, но по пути хотел поживиться добычей и в рязанских землях. Как татарам ни идти на Русь, Рязань всегда на дороге стояла.

ПОБЕДА НА РЕКЕ ВОЖЕ

Не по душе был князю Дмитрию рязанский князь Олег: голос вкрадчивый, в лицо не глядит, глаза все куда-то в сторону отводит, ответы дает уклончивые, и так и сяк понимай.

Но все же, как узнал Дмитрий Иванович о нашествии татарских войск на рязанщину, сразу же принял решение.

— Нужно выручать князя Олега, — сказал он, — да и ждать Бегича у стен московских не годится. Выйдем ему навстречу.

Рязанский князь принял московского князя радостно, повелел накрыть пышный стол.

— Спасибо тебе, Дмитрий Иванович, за выручку, — посмотрел в угол. — Доброе дело ты предлагаешь. Значит, сообща ударим по нечестивым. Твои полки и мои, стало быть...

Так и выступили в поход — московская рать да рязанская под началом князя Дмитрия.

Сошлись противники на реке Воже, что в Оку впадала. Несколько дней войска друг против друга стояли. На левом берегу — русские, на правом — татары.

Князь Дмитрий расположил войска полукругом на невысоком холме, ждал нападения Бегича. Ордынский мурза тоже не двигался, ждал, пока перейдут реку русские.

Обычно бой татары начинали стрелами. У каждого воина был лук да по несколько колчанов. Пустят они целое облако стрел, затем окружают противника и теснят со всех сторон. Кривыми саблями рубят, всадников арканами с коней стаскивают, а то были у них для этого и пики с крючками острыми.

Ежели татары крепкий отпор встречали, принимались будто бы отступать, а на самом деле нужно было им разделить врагов, чтобы снова по ним ударить или же подвести их под засаду.

Вот и на Воже метнули ордынцы тьму стрел. Русским показалось, что солнце померкло, но не достали до них стрелы, потому как не на самом берегу стояли полки, а поодаль — так повелел князь Дмитрий Иванович. Да и стрелы к тому ж против ветра летели.

Был средь москвичей Яшка-Крикун. Приложил он руки ко рту, вдохнул поглубже да как заорет:

— Ай молодцы вы, басурмане поганые, отгнали мух от наших лошадушек.

Затряслось от смеха русское войско. А татары молчат. Насупились, на мурзу искоса поглядывают. Не выдержал Бегич, махнул кривой саблей — двинулась к воде татарская конница, зафыркали низкорослые косматые лошади. Заплескала водой река Вожа.

Сжали русские мечи в нетерпении. Но сказал князь Дмитрий:

— Пусть все переправятся. С трех сторон по полчищу ударим.

Думал Бегич на скаку смять русских, но не тут-то было. Выдержали полки атаку татарской конницы. А как сами грянули с трех сторон, опрокинулось войско мурзы. В центре гнали его отряды князя Дмитрия, с флангов секли конники князя пронского Даниила да московского окольного Тимофея.

В панике бежали татары за Вожу. В давке одни других топтали. А уж сколько их потонуло — вышла из берегов река Вожа.

Нашел в битве этой смерть свою и мурза. Сцепился он с бывалым воином Порфирием.

У одного меч прямой обоюдоострый, у другого сабля кривая булатная. Как сошлись они — искры брызнули. Ловок мурза, да Порфирий еще ловчее. Но вокруг них такое множество ратников понатискалось, ни мечом в тесноте не махнешь, ни саблей не ударишь. Дышат бойцы яростью в лицо друг другу, а поделаться ничего не могут. Вспомнил тут Порфирий про нож засапожный — выхватил да ткнул басурманину в горло.

Ордынцы бежали, бросив свои шатры, обозы, добро, что награблено было. Лишь ночь, опустившись на землю, спасла разбитых татар от погони.

ИЗМЕНА КНЯЗЯ ОЛЕГА

«Победа! Победа! Победа!» — гремел клич по Руси.

И люд ликовал во всех ее княжествах. Понимали: не только Москву защитил князь Дмитрий, но и весь русский народ. И еще теперь понимали: можно одолеть татарские полчища, от которых столько лет уже стонала родная земля.

Мамай скрипел зубами, смиренно мурзы молчали, и в тишине зловещей лишь слышался вой собак. Все понимали: ничего Мамай не забудет, ничего не простит он русским, соберет он огромную силу, такую, которой не видывали, и уж тогда...

«А пока... — мрачно думал Мамай, — на рязанской земле был убит Бегич... рязанские земли ближе других к Золотой Орде... рязанский князь Олег слаб и нерешителен...»

И послал Мамай на рязанщину большой карательный отряд. Князь Олег, не успевший выставить никакой защиты, бежал за Оку. Снова запылали рязанские села, и огласилось все воплями и криками, и пролилась кровь женщин и детей.

Не выдержал князь, поехал в Золотую Орду на поклон хану, поехал выразить ему свою покорность и услужливость.

Вспомнить бы ему, как вместе с другими русскими князьями крушил он татарскую рать на Воже. Но не о том размышлял Олег Иванович. Иные думы его тревожили: «Мамай

войско собирает для похода — войско, видать, огромное. А идти ему через Рязань. И придет ли князь московский на выручку — неведомо. Своя-то рубашка ближе к телу. Да еще и силу татарскую посмотреть мне надобно — овладеет ли с ней Дмитрий Иванович?»

В Орде был принят князь рязанский ласково. Мамаю по сердцу пришлись дары золотые Олега Ивановича. Улыбался хан рязанцу светловласому. Говорил:

— Будь мне верен. А тебя я пожалую своей милостью. Обиженным не останешься.

Увидел Олег в Орде войско несчетное. Там и своих было воинов тьма-тьмушая. А еще понаехали племена степные кочевные, генуэзцы-наемники из Крыма да шайки бродяг-разбойников подлые.

— Не сегодня завтра мы выступим, — говорит Мамай на прощание. — Торопись, князь Олег, нашим другом стать. А коль сможешь, подбери еще союзников, посильнее чтоб были да понадежнее.

С тяжелой головой вернулся князь в Рязань. Что делать? В какую сторону податься? К Мамаю или к Дмитрию? Между двух огней Рязань. Князь Дмитрий тоже, сказывают, войска собирает.

Пока Олег Иванович все выгадывал, двинул Мамай на Русь свои войска. Вот уж черное облако над степью приметили «крепкие стражи» — дозоры князя Дмитрия. Были те стражи из «удалых людей» — глубоко в степь посылал их московский князь. 23 июля 1380 года прискакал от них гонец в Москву, сообщил: стоит Мамай со мною силой близ Воронеж-реки.

Князь Олег не выдержал. Он отправил двух послов. Одного — к Мамаю, другого — к Ягайле — князю литовскому. Хану он написал о преданности, называл себя «рабом» Мамаевым, а Дмитрия — своим «старым обидчиком». Князю литовскому Олег предлагал уговор: поддержать хана против Дмитрия, поделить меж собой земли московские.

Считал Олег, что Дмитрий Иванович не выйдет на бой с такими силами грозными, бросит он Москву на произвол судьбы, а сам убежит «в места далекие».

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ СОБИРАЕТ ВОЙСКО

Князь Дмитрий созывал ополчение. Под знамена свои собирал он воинство великое. Поднималась вся Русь на борьбу с врагом.

Потянулись к Москве ратники — «силы крестьянские», горожане, ремесленники. Шли князя со своими дружинами. Первым прибыл серпуховский князь Владимир Андреевич — двоюродный брат князя Дмитрия.

Шли к Москве, чтобы встать за дело правое полки ростовские, ярославские, муромские, отряды белозерские, устюжские, елецкие.

В самый разгар сборов заявили к князю

Дмитрию Мамаевы послы. Они держались надменно и требовали повышенной дани.

— Наш хан, — сказали они, — стоит с войском несметным у границ твоих.

Отказался князь Дмитрий Иванович дань платить, а про то, что Мамай движется, он и так знал.

Но чтоб выиграть время и набрать побольше ратников, московский князь решил отправить к Мамаю для переговоров своего посла Захария Тютчева с богатыми дарами.

Горько ехать Захарью в такой час на поклон к хану татарскому. На душе у посла черным-черно, как в ночь осеннюю. Да что делать! Взял с собой «толмачей», переводчиков, и в путь тронулся.

А как ехал он через землю рязанскую, узнал от людей верных, что Олег и Ягайло вступили в союз с Золотой Ордой. Призвал он ночью к себе гонца тайного, сказал:

— Стрелой лети, доложи обо всем Великому князю Дмитрию. С богом! — Перекрестил гонца, и тот сразу исчез в кромешной темени.

Получив известие от Тютчева, собрал на совет Дмитрий Иванович всех подручных князей, воевод и бояр своих. Порешили так: выслать нужно разведку надежную. Прoberется пусть она в стан противника и захватит в плен «языка» — татарина. А у пленного нужно все выведать: как идти хочет войско Мамаево, где примкнут к нему Ягайло да рязанский князь и когда они все вместе двинутся.

К тем князьям, которые еще не прибыли к нему, Дмитрий Иванович шлет гонцов с приказом собираться не в Москве, как было раньше условлено, а в Коломне. День сбора — 25 августа. Издавна Коломна была крепостью, прикрывавшей Москву с юга.

Василий Тупик, один из разведчиков, прислал князю сообщение: войско Мамаево к Оке идет, хоть не быстро, но в начале сентября должно встретиться с Олегом и Ягайлой.

Дорог был каждый день. Князь Дмитрий Иванович понимал это. 20 августа вся собранная рать выступила из Москвы.

Бабы, девки, старцы сутулые, мальцы конопатые — смотрели из-под руки на уходящее войско. Молча смотрели. Не кричали, не двигались. Ратники нет-нет оборачивали головы. Видели: сомкнутые губы, льняные волосы, голубые глаза. Много глаз. Целое море. Печальное море.

Молодуха какая-то завопила, с места рванулась.

— Васятушка!.. — полетел ее крик.

Будто ветром колыхнуло головы ратников. Бабы подхватили молодуху под руки:

— Молчи, молчи...

Шло войско. И реяло над ними черное с золотом знамя Великого князя Дмитрия. В лучах заходящего солнца сверкали островерхие шлемы княжеских дружин, колья и бердыши простых бойцов. Разный шел люд: богатый и бедный, старый и молодой. У иных не было ни кольчуги, ни ратного оружия — шли с обыч-

ными топорами, кольями да рогатинами. Шли кузнецы, пахари, сапожники, портные. Откуда им взять кольчугу? Шли в привычной одежде. Полагались на свою силу и ловкость.

Уходили с войском и два монаха богатырского сложения — Александр Пересвет да Родион Ослябя. Прислал их с благословением русского воинства игумен Сергей Радонежский.

Шли тысячи, тысячи, тысячи...

Никогда еще не видела Москва такого русского войска.

Долго смотрели ему вслед старцы, женщины, дети. А пыль на дороге клубилась, клубилась и никак не могла улечься.

ДОН, ДОН, ДОН...

В Коломну воинства понаехало из всех сторон. На большом лугу близ Оки устроил князь Дмитрий Иванович смотр своей рати. Гремела военная музыка — трубили трубы, били бубны, свистели сопелки.

6 августа в походном порядке вышли полки из Коломны. А было всего ни много ни мало 150 тысяч ратников.

Самый короткий путь к Дону лежал через земли рязанские. Но князь Дмитрий не вступил во владения Олега, в обход пошел по Оке левым берегом.

Делалось это умышленно. Князь Олег не мог теперь знать, как идет войско Дмитрия Ивановича, не мог сообщить об этом Мамаю, а время князь Дмитрий выигрывал.

У реки Лопасни войско на один день остановилось. Сюда подоспела приотставшая пешая рать, которую привел воевода московский Тимофей Вельяминов. Здесь же князь Дмитрий получил от разведки известия, что с запада движется литовское войско Ягайлы.

— Други мои, — сказал Дмитрий Иванович князьям и воеводам, — нельзя нам тут больше стоять. Нужно опередить Ягайлу, пока войско свое не привел он к Мамаю. Нынче же переходим Оку и пойдем к Дону рязанской землей. А посему даю строгий приказ — не обижать жителей, ничего не забирать у них, ни единого волоса их не касаться.

Почти десять дней шли полки Дмитрия Ивановича к Дону. Поднимались рано утром — затемно. Рассвет в пути встречали. Шли росистыми лугами, перелесками, окрашенными в золотой и багряный цвет, переходили неглубокие овраги и малые речки.

Воинам шуму делать было не велено. Песен не пели. Негромко говорили меж собой ратники — про жен, да про детей, да про хозяйство. О бое грядущем вслух не вспоминали. Что говорить-то? Чему быть, того не минуешь. Но каждый думал о бое — срывал ли на ходу гроздочку ягод, пил ли воду из лесного ручья, прислушивался ли к грустному курлыканию первых отлетающих журавлей.

А как делало войско привал, совсем тихо

становилось. Тишина — услышишь, как желтый лист на землю падает.

Дон уже недалече.

Видать, не зря говорят — тихий Дон. Здесь, и верно, тишиной все обволакивает. Только слово само звонкое — Дон. Скажи несколько раз: Дон, Дон, Дон... Звенит, точно колокол.

— Чу! — приподнялся монах Пересвет. — Слышь, Родя, звенит где-то.

— Спи. Тишина звенит.

На следующий день в войско Великого князя влилось еще два крупных отряда. Привели их братья Ольгердовичи — князья Дмитрий да Андрей. Не стали они воевать против Москвы, как брат их Ягайло.

— Ты нам старший брат, — сказали они Дмитрию Ивановичу, — а враг у нас общий — Золотая Орда.

Минул еще один день. Вот уж и к Дону вышли русские войска. Остановились у того места, где впадает в него речка Непрядва.

Утром 6 сентября из разведки Семена Мелика прискакали гонцы, сказали, что Мамай тоже неподалеку от Дона — в трех переходах. Гонцы привезли с собой «языка». Пленный татарин сообщил, что Мамай медленно продвигается вперед, ожидая подкрепления от Олега и Ягайло.

Князь Дмитрий Иванович стал держать военный совет: переправляться за Дон или здесь поджидать Мамаево полчище.

Одни говорили: «Здесь дадим бой. Незачем за Дон идти. Ежели перейдем, река отрежет нам путь назад». Другие возражали: «На этом берегу татары с Олегом да с Ягайлой соединятся. Нам же хуже будет». Третьи так высказывались: «Нужно переходить Дон, чтоб ни у кого не было мысли назад воротиться. Пусть всяк без хитрости бьется, а не думает о спасении».

И встал тут Великий князь и сказал:

— Любезные други и братья мои. Пришли мы сюда не Дон охранять, а чтоб землю Русскую от плена и разорения избавить или голову свою за Русь положить. Честная смерть лучше позорной жизни. Лучше б было совсем не идти против поганных, чем, выступив и ничего не сотворив, назад воротиться. В сей же день пойдем за Дон и там либо победим, либо сложим свои головы за братию нашу.

Застучали на берегу топоры — воины стали строить мосты, искать броды.

И вдруг топот конский раздался — прискакал Семен Мелик со своей разведкой. Доложил князю Дмитрию, что уж дрался он с передним отрядом ордынским. Узнали татары, что русские на Дону стоят. Мамай в ярости, помешать переправе хочет.

К вечеру 7 сентября рать князя закончила переправу. Пехота прошла по трем наведенным мостам, конница перебралась двумя бродами. Как только переправа была закончена, князь Дмитрий приказал:

— Разобрать мосты. Назад нам пути нет.

Окончание следует

НОЧНОЙ СТОРОЖ

Ночью я прохожу фабричными цехами.
В моей руке электрический фонарь.
Я осматриваю комнаты и проверяю замки.
Тишина... Все спит... Только издали
доносится лай собак...

Каждую ночь брожу по фабрике.
Я так устал от городского шума,
От грохота трамваев и автомобилей.
Может быть, здесь ночами
я прячусь от них?

*Елизабет Довер, 13 лет
Новая Зеландия*

**Таня Евгина, 15 лет
СССР**

ОКТАБРЬ 1917 ГОД

ТРУБОЧИСТ

**Харальд Бюргхард, 10 лет
Германская Демократическая
Республика**

ГЛАЗА

Глаза бывают большие,
Маленькие,
Круглые
И продолговатые,
Черные,
Голубые,
Зеленые,
Красные,
И, увы, еще есть — слепые.

*Лиза Гринвуд, 11 лет
США*

**ТВОЙ
СТАРШИЙ
БРАТ—
КОМСОМОЛ!**

ПРО „ЭДЕЛЬВЕЙС“, СЕЛО ДЖЕРГЕ-ТАЛ И ТРОПУ ЧАБАНА

Т. ПЧЕЛКИНА

УЛАН

— Улан лютует, — сказал мне Володя, шофер бензовоза, на котором я отправилась в путь.

Мы выезжали из Рыбачьего, когда небо нахмурилось, потемнело. Задул ветер. Сначала легко так, ласково, потом все сильнее. Он нес серую клочковую пыль, щепки, мусор и даже камни. Людей на улице как будто сдуло. Город опустел. Только мы ехали на своем бензовозе. Ветер набросился на нас, он швырял в окна охапки пыли. На зубах стало хрустеть. Вихрь, ураган, смерч. Вмиг ничего не стало видно.

— Вот это и есть улан, — сказал Володя. — Хотите познакомиться поближе? — И он открыл дверцу кабины.

Я только выглянула, как меня тут же вытянуло наружу. Еле успела ухватиться за ручку дверцы, зажмуриться. От пыли можно было ослепнуть. И внезапно почувствовала, что меня отрывает от земли и несет. Рука ослабела, я выпустила ручку дверцы. Не бежала, а летела, подхваченная диким порывом... Володя поймал меня за рукав в пятидесяти метрах от машины. Крикнул: «Держи-

тесь», — и потащил назад к бензовозу. Не помню уж, как оказалась в безопасности. Из глаз текли слезы — я даже не вытирала их.

— Еще немножко — и стали бы вы Карлсоном, — пошутил мой шофер.

Я даже не обиделась на него за Карлсона, так испугалась.

— Вот почему здесь, — сказал Володя, — почти не растут деревья. Их вырывает прямо с корнями. Вот почему у нас никогда не бывает снега.

НАСТОЯЩАЯ КИРГИЗИЯ

И все-таки снег я нашла.

В Нарыне попала в лютую полярную зиму. 2500 метров над уровнем моря. Холодный, разреженный воздух, от него ломит зубы. Каждый глоток чувствуешь. Солнце такое яркое, и оттого что вокруг бело, без темных очков просто больно смотреть. Вокруг Нарына шапки гор, снежно-белые, нетронутые. Они напоминают то большие сахарные головы, то бурты хлопка, то облака, погода здесь в горах переменчива, как настроение красивой девушки. Приехали в Нарын — ни одного

облачка. Но вот потянул с гор ветер, завывал в проводах и повалил снег тяжелыми ватными хлопьями.

— Вы приехали за «Эдельвейсом»? — спросили меня в обкоме комсомола. — Однако он в Москве...

— ?!

— Ну, наш «Эдельвейс» — комсомольско-молодежная бригада чабанов, лауреат премии Ленинского комсомола. За хорошую работу поехали на экскурсию в столицу.

— Вот те на. Ехала шестьсот километров — и все зря...

Но мне сказали: «Не зря!»

ЧТО ТАКОЕ СЕРПАНТИН?

Ползет бензовоз. Тащится черепахой по первому снегу. Самый опасный этот первый снег, не плотный, не утопанный. Скользнет машина на полметра левее и — каюк... Юзом заносит ее над пропастью. Бензовоз медленно поворачивает. Машина уже за поворотом, а прицеп сзади повис, будто грозит — упаду.

Пальцы у шофера побелели.

— Ну, старушка, — шепчет, — вывози.

И сдвигает набекрень шапку. Только желваки ходят на скулах, туда-сюда, туда-сюда. Только капли пота скатываются по лицу.

Ползет бензовоз черепахой. Распутывается серпантин за серпантин. Не елочное украшение — дорогу над пропастью распутывает.

Здесь на горном тракте памятники погибшим шоферам. Где просто надпись на скале, где баранка разбившейся машины.

У пассажира от страха округлились глаза:

— Браток, дай выйду, пешком пройду...

— Сиди, — смеется Дима, — не дрейфь. — И продолжает: — А вот тут «Куликова битва» случилась. Иван Иванович Куликов 47 баранов подавил.

И, словно в насмешку, выползает навстречу отара. Тяжелая грязно-серая шерсть густо висит на овцах. Плотно плывут они, одним большим серым пятном. А маленькая фигурка чабана еще далеко совсем на отвесной скале.

— Ух, альпинист, — смеется пассажир. Страх немного отпустил его. — Ух, альпинист, и как он там только держится!! Без веревки альпинистской, без связки. Мастер спорта да и только.

— Смотри, друг, вот этот самый поворот Петр Васильев проспал. — И только было успокоившийся пассажир в страхе закрывает глаза.

— Почему это шоферы не пишут стихов? Сколько красо-

ты кругом. Ты только погляди. И всю-то эту красоту ты видишь. А вот песню сложить не можешь. Ты, случаем, стихов не пишешь? — Дима разглядывает пассажира и отвечает сам себе: нет, не та у тебя комплекция.

Пассажир, толстый дядька в тесном, с трудом застегнувшимся пальто, будто с чужого живота, только вздыхает осторожно и, понимая, что все опасности уже позади, просит шофера:

— Расскажи про себя какую-нибудь историю, сделай милость.

Дима поворачивает к нему лицо. Улыбка сбегает с губ, и он говорит, отчеканивая каждое слово:

— Не было историй. Раз живой, значит, не было.

Ныряет наш газик по дороге и без дороги, катится с горки на горку странная такая машина.

Мы едем в колхоз «Джаны-Талап». Там работает комсомольско-молодежная бригада под названием «Эрк».

Едет с нами парторг колхоза, человек для этой должности совсем молодой. Он не садится в машину, а запрыгивает, как на лихого скакуна. Через минуту просит остановить газик, выскакивает около бульдозера и, размахивая руками, что-то сердито кричит молодому парню за рычагами, хлопает по плечу мальчишку, который едет на ослике, потом беседует с

аксакалами, почтительно здороваясь с каждым из них за руку. Потом подталкивает вместе с другими застрявший посреди улицы грузовик. И, наконец, опять запрыгнув в машину, утихомиривается и объясняет мне все про бригаду «Эрк»:

— Вы думаете, «Эдельвейс» один? По всей Киргизии теперь по ту и эту сторону гор цветы эдельвейса. Если собрать все бригады, целый луг получится...

Пять-шесть лет назад была беда с чабанами. Не хватало их в Киргизии. Шли тогда и кланялись старикам: «Выручайте, аксакалы».

— Молодые-то где? — спрашивали старики.

— В город уехали.

И выручали аксакалы.

А теперь идут в чабаны молодые, сами идут, охотно идут...

— И овец сами стригут? — спрашиваю. — Или стригалей приглашают?

Он смотрит на меня с удивлением и говорит:

— Сами стригут.

— Сколько стригут за день самые лучшие стригали?

Он, все больше удивляясь, говорит:

— 60—70 голов.

И тут я окончательно добиваю его:

— Сейчас в моде оренбургский метод стрижки, руно, говорят, меньше рвется. Освоили его или нет?

— Освоили, — почти шепотом отвечает парторг Качибек Садыков.

Широкое поле открывается перед нами. Большой загон —

Рисунок В. Топкова

там кони жуют сено. Другой загон — там овцы. Издали это похоже на одну огромную серо-бурую шкуру. Сколько их тут, тысяча, может, больше?

Вижу каменные загородки-кошары для овец и кибитки той же кладки. Какая-то странная машина, около нее кипы соломы. Вот и весь пейзаж. Наш газик останавливается. Огромный волкодав, мускулистый пес с мощным лбом, бросается на меня. Я в испуге закрываю лицо руками. А пес поднимается во весь огромный рост и лижет мне руки. Все вокруг смеются. Смеется парт-орг, смеется невысокий человек в ватнике, смеются ребята. Только мне совсем не смешно. Я ведь много читала про волкодавов, этих злющих овечьих сторожей.

— Э, у нашего Богучара характер кошки, — объясняет человек в ватнике. — Отец его злой был, свирепый. Хвост обрублен, уши отрезаны, чтобы волк не ухватил. На джайлоо ходил, овец стерег, голова больше твоей, лапы как у барбоса, понимаешь? Однажды приехал на джайлоо, смотрю, тащит кого-то, не пойму что. Не теленок, не овца — зверя большого тащит, след кровавый за собой ведет. Волка! А этот... — он ласково треплет по голове огромную собаку.

«Характер как у кошки, — думаю я, — а зубы как у тигра».

— Все-таки отойдите подалее, — предупреждают меня.

Подхожу к машине. Это — передвижной кормоцех.

Парень в большой ушастой шапке ловко подхватывает на вилы охапку соломы и бросает ее в пасть машины. И она начинает это сено жевать, а потом выплевывает совсем изжеванное — плюется грозно и далеко. Ребята работают ловко, ритмично.

Потом мы сидим в столовой. Наставник, старый опытный чабан, рассказывает:

— У меня детей тридцать. Десять своих и двадцать этих — в бригаде. Хорошо работают. А как кончим, комузы возьмем, гитары возьмем, поем, танцуем. Уедут учиться — специалистами станут, опять в колхоз вернутся.

БЕШ-БАРМАК

В маленькой тесной кухне его творила вся бригада.

У Кулипы руки по локоть в тесте. Ловко и сильно маленьким кулаком месит она его на большой доске. Как пудрой посыпало волосы. Длинная коса стянута узлом, чтобы не мешала. А руки у Кулипы как бы сами по себе, — раз, раз, раз...

— Муки подсыпь еще, Талайбюю, да не скупись, тесто должно быть крутым.

Алтынай тесто раскатывает. Большая скалка ходит по тесту ровно и весело. Потом она нарезает длинные узкие полоски, легко прищепывая их ладошкой.

А на плите в большом казане

уже варится баранина, кипит, наполняя всю кухню вкусным ароматом. Там колдуют ребята. Сейчас они разделают мясо и подадут его вместе с дымящимся прозрачным бульоном на большие деревянные, выщербленные ножом столы...

Потом мы едим беш-бармак. Мы едим руками, как положено, и запиваем бульоном.

— Жакши, — говорю я, — «хорошо», чок рахмат — «большое спасибо».

Ребята понемногу рассказывают о себе, уже не стесняясь меня, не стесняясь того, что плохо говорят по-русски.

— Десять лет мы учились вместе. Не хотели расставаться после школы, — объясняет мой сосед по столу Намазбек, — и вот опять вместе, уже работаем. Самый счастливый день был, когда решили в бригаду пойти всем классом. Я лошадей люблю. Табунщиком буду.

Холодный воздух неожиданно врывается в комнату.

— Ребята, пурга начинается, — кричит вбегая Талайбюю. — У-у, метет как...

Наставник поднимается из-за стола:

— Быстро овец в кошары, лошадей укрыть... Нарынбек, Улут, Дюшобек, — солому собрать в сарай.

И в минуту кончился беш-бармак.

А на улице метет, крутит снежная пыль, протяжно гудит ветер. И уже ничего не ясно вокруг. Только вершины гор еще видны в этой круговерти. Но скоро и они скроются.

РАФА

Каждый пионер СССР
ни на минуту
не может забыть
о ребятах-борцах
других стран.
Он их верный друг
и помощник.
Н. К. КРУПСКАЯ

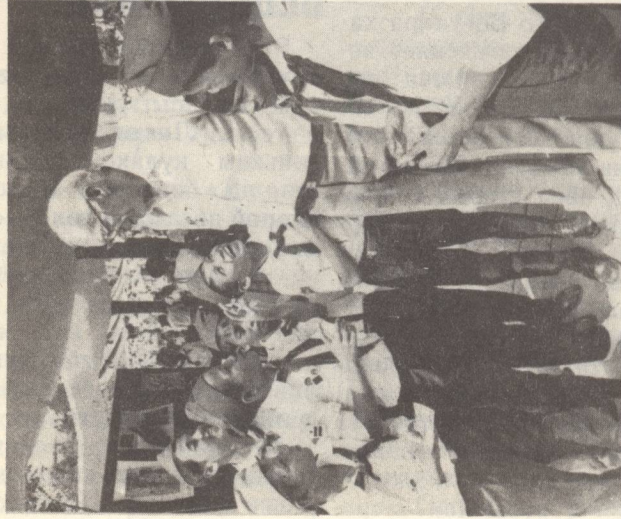
ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Оформление Л. Каминского

1 июня - Международный день защиты детей

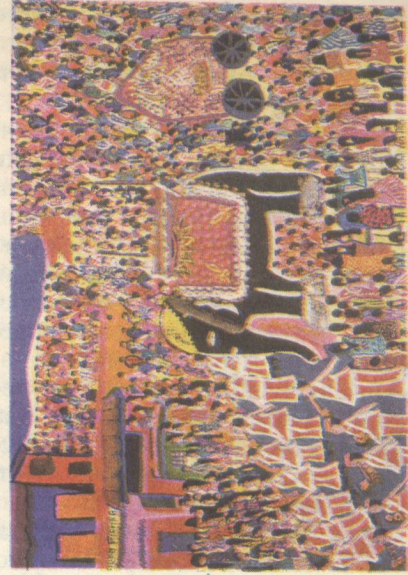

ГОВОРЯТ
ПОЧЕТНЫЕ
ГОСТИ
ФЕСТИВАЛЯ
В АРТЕКЕ

ТВОЙ
ЗАРУБЕЖНЫЙ
РОВЕСНИК

ПРАЗДНИК
Парех Гириш,
13 лет
Индия

Розетта Гилен, 14 лет
Бельгия

НАША
МЕЛЬНИЦА

на Международном детском фестивале

**Анфия
Мвовна
Барто:**

„Наша деятельность должна
сводиться к постоянному воспи-
танию дружелюбия.
Я буду бороться за мир, пока
хватит сил!“

Бенджамин Спок:

„Важно, что мы собрались
здесь: надо сделать все воз-
можное, чтобы дети не узнали
новой войны...!“

ОЕМ КОМСОМОЛЬСКИЕ ПЕСНИ

Наш город строили комсомольцы. Они пришли сюда пятнадцать лет назад и на устом месте поставили свои алатки. На ветру и холоде зрывали скалы, работали в есу. Покорили недоступный тарым. Они всегда работали песней. И мои родители еще сейчас поют комсомольские есни под гитару, когда у нас доме собираются их друзья. аучили и нас этим песням. про ЛЭП-500, про геологов про горы.

Потом Кара-Куль связали орогой с Фрунзе, столицей еспублики. Эту дорогу тоже роили наши братья и сестры, аши отцы и матери.

Иногда я спрашиваю себя, акой я хотела бы стать. И от- ачу себе: такой, какими бу- жу старших. Когда мне бу- ет трудно, мне говорят дома

с улыбкой: «Не хлюпать!» Это был их девиз, он стал и моим тоже.

Вика Россохатская,
7-й класс,
город Кара-Куль Киргизской ССР

КРАСИВЫЙ У НАС ГОРОД

Кажется, это было совсем недавно — непроходимые бо- лота по берегам реки Кара- Су, где раскинулся наш город.

Теперь Кара-Куль не узнать. Красивые дома в несколько этажей, три школы-новострой- ки. А нашему Дому культуры может позавидовать любой другой город!

Если смотреть на Кара-Куль сверху, он кажется огромной зеленой поляной у подножия гор. А высоко в горах — снег. И летают гордые орлы...

Когда мы знакомимся с пер- выми строителями города,

приглашаем их на пионерские сборы, я с радостью думаю, что и мои родители приехали сюда по комсомольским пу- тевкам... Хочу быть похужей на них во всем!

Валя Иванова,
7-й класс

ЛЮБИМ ЛЕТО!

Мне кажется, любить свою землю — значит делать все для того, чтобы она станови- лась еще лучше.

Каждый год мы с ребятами помогаем нашему колхозу на уборке хлопка, весной пропа- лываем кукурузные поля, уха- живаем за телятами, вместе с чабанами пасем овец на джай- ляу...

Мы каждое лето ходим в походы. Мы члены краеведче- ского кружка. Уже были в ста- ринной крепости, она построе- на в V веке нашей эры...

Ияна Цай,
город Узгенъ

А ДЖАЙЛЯУ

Света Мусатова,
7-й класс

Ученическая производственная бригада „Алга“ („Вперед“) вырастила кукурузу, высота которой достигает пяти метров!

Стихи югославских ребят

МОЯ ЗЕМЛЯ

Ты выросла гордо из сердца героя,
Победу ковала ты в пламени боя.

Снежана Топалушич,
город Чаплин

ВСЕ ГОЛУБОЕ

Дождик! Дождик голубой!
Надо мной и над тобой.
Голубой дымок над крышей
Из трубы из голубой.
Ручейки между собой
Спор заводят голубой.

Стало все кругом сейчас
Голубым от наших глаз!
Мирьяна Михач,
город Копривница

СЛУШАЮ МОРЕ

Сию я и в сумерках слушаю море,
Я слышу, как чайки друг с дружкой спорят.
Паук надо мною плетет свои сети:
Надеется он на улов на рассвете,
На море — луны золотая дорожка,
Она хорошо мне видна из окошка.

Роберт Лучич,
Дельнице

Перевел стихи Л. КОНДРАШЕНКО

ВОКРУГ БОЛЬШОГО БАРАБАНА

Продолжаем разговор на тему
«ТЫ И ТВОЙ ДВОР»
Шестиклассники школы № 127
Ленинграда рассказывают о пионерском клубе «Буревестник» на
Таллинской улице во дворе дома
№ 12.

Как хорошо, что у нас есть
такой клуб! Ведь здесь каждому
находится дело по душе: есть
кружок фотографии, чеканки,
резьбы по дереву, «природы и
фантазии», театральный и хоро-
вой.

Руководят кружками учителя
из школ микрорайона и курсанты
военно-морского училища.

Юля Тряпичкина

Шефы нашего клуба — рабочие
завода «Северный пресс». Это
они подсказали нам создать штаб
Тимура.

Сейчас этот штаб действует
вовсю! С чего мы начали? На
улицах зоны нашего микрорайона
повесили маленькие, но хоро-
шо заметные объявления: «То-
варищи ветераны войны и труда!
При клубе «Буревестник» дей-
ствует штаб Тимура. Обращай-
тесь к нам, пожалуйста...»

Тимуровцы навещают всех,
кому нужна помощь. За это вре-
мя мы познакомились с очень
добрыми людьми. А как радост-
но быть полезным людям!

*Вера Павлова,
Вера Полушкина*

В своем клубе мы встречались
со знатной ткачихой Невской за-
ставы Героем Социалистического
Труда работницей фабрики «Ра-
бочий» Екатериной Васильевной
Демидовой.

Мы поняли, что многого мож-
но добиться, если любишь свою
работу. Как-то ближе стала нам
забота о качестве труда после

рассказа Екатерины Васильевны.
Во все глаза смотрели мы на че-
ловека, который работает сразу
за многими станками, досрочно
выполняет план десятой пяти-
летки.

Марина Васильева

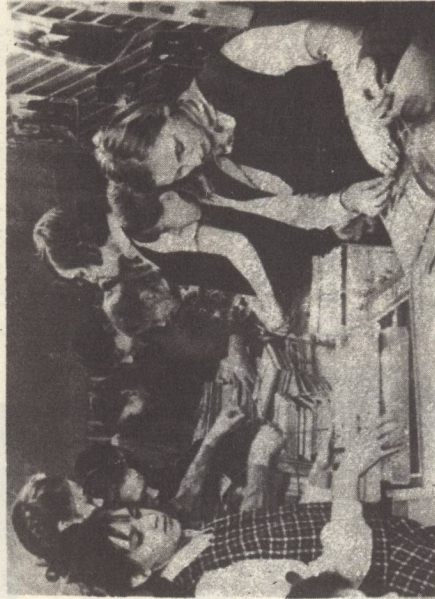
У нашего клуба есть свой тру-
довой паспорт. Много дел на
нашем счету. Помогали рабочим
отремонтировать клуб: разгру-

жали строительный материал,
подносили доски, красили полы,
клеили обои...

Проводили субботники по сбо-
ру макулатуры и металлолома.
Заработанные средства перевели
в Фонд Солидарности.

Есть у нас подшефный садик
и сельская школа. Отправили
своим подшефным 700 книг.

*Витя Петрачков,
Лена Денисенкова*

КНИГИ
для сельской
школы

Внимание!

Многие юнкоры «Барабана» участвовали в
конкурсе «Рассказ-пословица».

Веселые истории были напечатаны в журнале,
а не смешные печатать не стали... Ведь у нас весе-
лая почта! А вот еще что не весело: в письмах
попадают грамматические ошибки. Например,
одна девочка написала «треугольник», потом
исправила на «треугольник» (что правильно), а
потом снова исправила на «треухгольник». Другой
читатель пишет «ответт» и «прозэба»...

Основной вывод из конкурса — учиться писать
коротко и весело! И конечно — грамотно!

Всем-всем участникам конкурса «Рассказ-по-
словица» прислали в подарок...

Маленький Вова плачет:
— У всех каникулы, а у меня нет...
— А почему у тебя нет?
— Я еще не учусь в школе.

Учитель:
— Какие три слова чаще всего
говорят ученики нашего класса?
Сергея:
— Я не знаю.
Учитель:
— Правильно.

Прислала
Света Ф.,
город Кондолага

ПОСЛЕ ДЕЛА ЗА СОВЕТОМ НЕ ХОЯТ

Решил Витя елку к Новому году сам украсить. Мамы дома не было...

Взял Витя стул, поставил на него скамеечку, на скамеечку — крохотную табуреточку... Получилось мал мала меньше!

Поставил ногу — ничего, поставил другую — сооружение закачалось и рухнуло. Упал и Витя. Упала елка, игрушки разбились... Посмотрел Витя на елку — ни одной игрушки на ней нет. Приуныл и пошел к соседям за советом. «Как елку украсить?» — пусть скажут...

Зауреш Шаханова,
7-й класс,
село Амангельды

ЗА ДВУМА ЗАЙЦАМИ ПОГОНИШЬСЯ...

Однажды бабуся пошла на базар кур продать. По дороге мешок у нее порвался, две курицы выскочили из мешка и побежали в стороны. Белушка и Чернушка. Бабушка всех кур по именам знала. Побежала бабушка за Чернушкой — упала. Побежала за Белушкой — не догнала. Люди улынулись: за двумя зайцами погонишься — ни одной курицы не поймаешь.

Лена Шуканова,
Кустанайская область

ПОСПЕЩИШЬ — ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ!

На уроке труда кормушку для птиц делали. Подобрал я рейки, фанеры кусок, принялся за работу. Учитель раздал гвозди... Каждый мальчик себе взял сколько надо, а мне не хватило. Второй раз раздавал — опять не хватило. В третий раз я первым руку протянул за гвоздями. Да так торопился, что стул уронил. Все засмеялись. «Поспешить — людей насмешить», — подумал я.

Коля Московчук,
город Кострома

ЧИТУ, НИТУ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЦИРКА

Вот что написала в «Барабан» девочка ШЕИЛА ДАС из города Мадраса (Индия):
«Я очень люблю наш детский журнал «Нандан». Посылаю вам смешные картинки из нового номера...»

Журнал «Нандан» издается на языке хинди в столице Индии Дели

—ЭТИ ЦИРКОВЫЕ НО-
МЕРА ОЧЕНЬ
ПРОСТЫЕ!

—СЕЙЧАС
ИХ ПОВТО-
РИМ!

—СЕЙЧАС ЖЕ ПРЕКРА-
ТИТЕ! ЭТО ОПАСНО
ДЛЯ
ЖИЗНИ!

—А ЭТО ЧТО
ТАКОЕ ?!

—НЕ ВОЛНУЙСЯ, МА-
МА — ЭТОТ НО-
МЕР ДЛЯ ЖИЗ-
НИ НЕ
ОПАСЕН!

ПОГРУЖЕНИЕ

Виктор ШУРЛЫГИН

Рисунок А. Орлова

Три пары мускулистых рук манишку, привинчивают шлем, разом растягивают резиновый ворот, одевая меня в водолазный костюм. Эти же руки накладывают на плечи медную — Поворачивайся спиной к

трапу, — командует старшина Марченко. — Осторожно. Ты на четыре пуда потяжелел. Спускайся.

Он наглухо завинчивает передний иллюминатор, губы его шевелятся, но слов я уже не слышу. Теперь нас будет соединять только телефон, и через несколько минут мой голос станет таким же сдавленным и хриловатым, как у Геннадия Ципилева, который ждет меня на дне. Там — подводная стройка. И нам нужно сварить стальные каркасы для железобетонных плит. Из них собирается самый первый крупноблочный причал для морских лайнеров. Работа предстоит немалая: подобные гидротехнические сооружения не создавались еще ни в одной стране.

Необычная стройка собрала необычных людей. Таких, как например Андрей Иванович Марченко. Мне нравится этот водолаз, его седина, мощные бицепсы, доброжелательная улыбка. Нравится его неразговорчивость перед серьезным делом и спокойствие в минуты опасности. Старшина как-то очень подходит для настоящей мужской работы, и работа подходит ему. Но, ощущая его крепкое рукопожатие при первом знакомстве, я не знал, что это рукопожатие человека, который первым спустился на такую глубину, где до него никто не был.

— «Спутник», — щелкает в наушниках, — приготовьтесь. Вас примет «Черномор». Глубина — пятнадцать метров.

И почти тотчас мои свинцовые подошвы мягко погружаются в ил. Кто-то осторожно трогает за рукав. Оглядываюсь: перед иллюминатором стена мрака. Неожиданно темный прорезает луч прожектора: «Черномор», или попросту Геннадий Ципилев, включил фонарь и осветил свой шлем. Мол, здравствуй, это я. За толстым стеклом скафандра — смеющееся лицо. Он что-то говорит, но разве услышишь? Связи между нами нет. Мы — безмолвные братья.

— «Черномор» хочет, чтобы ты был на дне, как дома, —

поясняют с катера. — Осваивайся.

Я стараюсь. Но идти нелегко. Кажется, будто почва качается, уходит из-под свинцовых калош и ты скользишь по тонкому канату, все время теряя равновесие. Шаг... Второй... Пятый... На лбу выступают капельки пота. Невольно вспоминаются советы старого водолаза: «Чтобы твердо стоять на ногах, держи постоянный вес, не давай костюму раздуваться, стравливай воздух». Я так и делаю. Минут через пять понимаю: эта простая операция требует немалой тренировки. Лишь на мгновение запоздал открыть клапан — и уже чувствуешь: костюм раздут воздухом, а ноги потеряли опору. Еще промедление — и тебя, как пробку, выталкивает на поверхность.

— Спокойнее, «Спутник», — звучит в наушниках голос старшины Марченко. — Не рви шланг. Как твое самочувствие?

Наверное, я помедлил с ответом: в голосе старшины беспокойство.

— Нормально, — говорю я, — только ничего не видно.

— Сейчас посветлеет. Выходите на солнечную сторону.

Действительно, мрак слегка рассеивается, и я различаю очертания скафандра идущего впереди водолаза. Нам осталось самое сложное: нужно так стравить воздух, чтобы всплыть точно на «строительную площадку» и, зависнув в пространстве, приступить к работе. И хотя я стараюсь выполнять советы старшины Марченко, меня все равно переворачивает почти вниз головой. Зависаю лишь с шестой попытки.

Осматриваюсь. Вижу, как «Черномор» поднимает руку, прикасается к стальному кронштейну, и тотчас подводный сумрак прорезают вспышки молний. В их холодном, ослепительном свете хорошо видны массивная стенка причала, мельчайшие складки на костюме «Черномора», испуганно метнувшаяся в сторону стайка окуней.

— Присмотрись к электроду, — советует сверху старши-

на. — Видишь специальную обмазку? Когда металл сгорает, она образует большой газовый пузырь. В этом газовом пространстве и происходит процесс сварки. В сущности, все как на земле.

Голос старшины теплеет. Я знаю: он провел под водой более 10 000 часов, почти полтора года, и стал мастером высшей квалификации по всем видам водолазных работ. Но подводные молнии — его особая слабость. Еще в 1941, поступая в водолазную школу, мальчишка услышал невероятное. Два старшекурсника утверждали: в воде можно за просто развести... огонь. Андрей не поверил. А через несколько месяцев сам разрезал на разных глубинах пластины и снова сварил их. Преподаватель, осматривая швы, непременно выводил в журнале против фамилии курсанта Марченко пятерку. Но это были учебные пятерки. Первую «боевую» он получил через год вместе с первым боевым заданием — спасти четырнадцать моряков, заживо похороненных в затонувшей подводной лодке. Кислород в ней заканчивался, и Марченко на стометровой глубине вырезал отверстие в районе торпедного отсека и спас людей.

А потом военная судьба забросит его на Курильские острова... В бухту Провидения... На льды Северного Морского пути... Он будет спасать пароход «Либерти» и ледокол «Красин»... Заделять пробоины на «Воейкове» и снимать с мели «Херсон». Зимой 1945 вдруг наступит передышка, его вызовут к началству и скажут, что в Ленинграде создается научно-исследовательская группа аварийно-спасательной службы. Нужны испытатели необычного подводного снаряжения. В списке кандидатов фамилия Марченко стоит первой. Водолаз молча кивнет и начнет собираться в дорогу.

Дорога эта будет долгой — двенадцать лет уйдет на освоение глубоководных костюмов-скафандров. В начале 50-х годов, когда зарубежные газе-

ты опубликуют сенсационные сообщения о том, что известный американский водолаз Линдберг достиг на Тихоокеанском побережье глубины 240 футов (73 метра), в рабочем журнале Андрея Марченко появится карандашная пометка: 150 метров. Немного позднее столбики цифр вырастут: 170... 190... 200... 220... 240... Это будут его рекордные погружения в скафандрах. На огромных глубинах, где давление в 24—27 раз больше атмосферного, Андрей Марченко разрезал и сваривал различные металлы, пилил конструкции, проводил научные наблюдения. Как мог, помогал исследователям раскрывать загадки океана.

— «Спутник», — щелкает в наушниках, — сейчас «Черномор» даст тебе несколько уроков подводной сварки. Тебе придется подменять его.

Вспышки молний гаснут, наступает темнота. Когда глаза привыкают к мраку, подплываю к Ципилеву. Водолаз становится за моей спиной, поддерживает правую руку, как учитель, помогающий малышу выводить первые буквы, показывает на незакрепленную часть кронштейна. Острым жалом аппарата прикасаюсь к металлу. Геннадий слегка подправляет, и в свете огненных вспышек на стальной конструкции прочерчивается ровный шов.

— «Черномор» докладывает, что автограф получился хороший, — басит с катера старшина. — Всплывайте.

Через несколько минут свинцовые подошвы прилипают к трапу. Ноги почему-то не слушаются. Я немного отдыхаю и лишь тогда поднимаюсь на следующую ступеньку. Андрей Иванович Марченко отвинчивает стекло иллюминатора.

— Хочешь закурить? — спрашивает он. — С непривычки всегда курить хочется.

И подает мне зажженную сигарету.

— Новое погружение через час, — хрипит динамик. — Вторую: очередное погружение через час.

ПЕТУХ

РАССКАЗ

Олег ОРЛОВ

Рисунок Ю. Шабанова

Девочку, в которую я влюбился, звали Ника. Полное-то ее имя было Вероника, Никой звала ее бабушка.

Никю в первый раз я увидел на почте. Бабушка ей сказала строго: «Никуда, Ника, не отходи!»

Ника мне очень понравилась. Я шел с почты и мечтал: вот бы познакомиться...

Начал я ходить мимо дома, где Ника жила. Надо и не надо ходил. Их дом был совсем в другом конце деревни. Ника, конечно, сразу поняла, что я в нее влюбился. Она первая

остановила меня на улице и говорит: «Мальчик, как тебя зовут? А у тебя книжки есть?..»

У меня была только одна-единственная книга: Сетон-Томпсона, про зверей. Я ее очень берег. Даже когда мы с мамой попали в эшелоне под бомбежку и все пришлось бросить, все равно эту книгу я сберег. И когда мы с мамой потерялись — берег. Потом, когда мама меня нашла, она удивилась, что зимнее пальто бросил, а книжку — нет...

Я сказал Нике, что у меня есть Сетон-Томпсон. Ника наморщила нос и сказала, что про зверей она особенно-то не любит, но, так уж и быть, возьмет... «Приноси...»

Так мы и познакомились.

Какая была красивая эта Ника! Лицо — круглое, глаза — большие. Коса толстая-пре-толстая, золотая...

Кофточки ей бабушка почти каждый день новые надевала, потому что они с бабушкой хоть и были тоже эвакуированные, но в отличие от других привезли с собой много разных вещей. Так уж им повезло. Нигде их не разбомбили, нигде ничего не сгорело и никто ничего не украл.

Принес я Нике книжку, а ее бабушка пригласила меня пить чай. Чай мы пили с конфетами-подушечками, и я очень понравился бабушке, потому что за все говорил «спасибо»...

А когда я уходил, то, закрывая дверь, услышал, как бабушка сказала Нике: «Пусть к нам ходит... Очень хороший мальчик. Не чета здешним. Воспитанный...»

Это про меня-то...

Но пить чай у Ники мне больше не пришлось. И вот почему...

Ника жила с бабушкой в доме у Солодкиных, а Солодкины жили рядом с Фенюшкиными. А у Фенюшкиных жил страшный петух. Такой был петух, всей деревне известный, и все его боялись. У кого коза была бодливая, у кого собака кусачая, а у Федюшкиных — все знали — петух!

Он у них почище собаки двор охранял. Кто зайдет во двор незнающий — так и вылетит оттуда. А вслед петух: «Ку-ка-ре-ку!»

И вот в один из дней, когда я пошел в гости к Нике, рядом с ее домом я и повстречался с этим петухом...

Я хотел его обойти, но петух наклонил голову, затряс гребнем, закачался на своих когтистых лапах и налетел на меня. Я его отбросил рукой, но он наскакивал снова и снова, и я хоть и лупил по чему попало, но петух норовил попасть шпорой в глаз, и я стал бояться, что останусь без глаза, и все время по петуху промахивался...

Что это за ужасная была битва! Петух был большой, едва не с меня ростом, или он мне казался тогда большим? Но он был опытным, очень опытным бойцом, а уж злости-то в нем хватило бы на сорок петухов.

У меня уже кровь текла по руке, но и от петуха начали лететь перья...

Но самое страшное было вот что: Ника, любовь моя, стояла за заборчиком и молча смотрела на нашу драку, на мой позор... Она никого не позвала на помощь и не помогла мне, бросив хотя бы какую-нибудь палку... Она стояла и смотрела...

Что мне еще можно было сделать? Я отступил. Да что там отступил, я бежал... Да и выхода не было: петух был непобедим!

Кровь из глубокой царапины на лбу залила мне глаза. Рубашка, новая белая рубашка, была порвана. Даже нога болела — петух мигом клонул меня в колено... И вот, прихрамывая, закусив губу, чтобы не разреветься от боли и обиды, я бежал с поля битвы.

Отмылся я в ручье, а в дом пришел только к вечеру. Хорошо, что мама меня никогда не ругала за порванную одежду, синяки и царапины. О Нике я в тот день уже не думал. Я думал о своем позоре, и я решил отомстить петуху.

На следующий день я начал делать лук. Только из лука я мог убить этого петуха...

Небольшие луки я делать умел, но нужен был настоящий, боевой лук, стрела из которого летела бы далеко и точно. И нужна была хорошая стрела...

Долго я трудился — поверите ли? — почти месяц! Сперва разыскал высокий и прямой можжевельник — лучшие луки ведь можно сделать только из можжевельника, — вырезал его и толстый, комлевый конец обстругал. На конюшне я выпросил конского волоса и сплел отличную тетиву. Потом из сосновой палки я целый день выделывал, скобля осколками стекла, длинную стрелу. На острие пошел жестяной наконечник для карандаша.

Я попробовал лук, и стрела пробила кусок фанеры, на котором я нарисовал мелом петуха...

И тогда началась первая и последняя в моей жизни охота...

Я подкараулил петуха возле лопухов у навозной кучи, где он выискивал для своих кур остатки овса и червяков. Но я ждал, когда он подойдет поближе, когда он повернется боком... Несколько раз я натягивал и опускал лук. Стрела-то у меня была одна, и промахнуться я не мог. Тетива звенькнула. Переполошенные куры кинулись в разные стороны. А мой враг подпрыгнул высоко в воздух и со стрелой в перьях, перекосив крылья, словно подбитый самолет, умчался в крапиву...

Грустный почему-то я шел домой... Может быть, потому, что мне стало жаль глупого петуха? Не знаю... Я ведь не убил его, а всего лишь подранил... Но потом я понял почему. Дело было совсем в другом. Я понял, что разлюбил красавицу Нику — вот в чем было дело...

И я взял лук и забросил его далеко в кусты.

НАУЧИСЬ БЕРЕЧЬ ЗЕМЛЮ

Когда дули ветры, песок летел тучей. В такие дни воронежцы плотно закрывали окна и с неохотой выходили на улицу. Теперь ветер несет запах сосен. Песок укрощен. Скреплен корнями, присыпан хвоей. Ветру к нему не пробиться.

Этому лесу тридцать лет. Его посадили люди.

Посадить мало — надо вырастить.

Лес нуждается в уходе. В добрых руках человека.

Руки воронежских ребят делают немало.

Пропальвают молодые посадки. Очищают от сухих веток и мусора. Собирают шишки для будущих посадок. Развешивают скворечники и дуплянки. Сколачивают ограды для муравейников, рассаживают муравьиные кучи, потому что муравьи — отличные солдаты против разных древесных вредителей.

Но есть вредители, от которых страдают не только муравьи. Там, где они пройдут

по лесу, — развороченный палкой муравейник, сломанные макушки елочек, пустые консервные банки на лесной поляне. А то и брошенный на сухой мох горящий окурок.

Против таких вредителей воронежские школьники выставляют «зеленые патрули».

Пионеры Масловской школы под Воронежем — активисты школьного лесничества — Юра Цуканов, Галя Спесивцева, Алеша Попов.

У ребят Масловского лесничества под опекой четыреста пятьдесят лесных гектаров. В один день не обойдешь.

Как же справляются ребята с уходом за таким массивом? Прежде всего — их много. Не пять, не десять, не тридцать ребят, семьсот двадцать. Подшефный лес разбит на восемь участков, «обходов». Так удобней. Каждый патруль знает «обход» как свои пять пальцев. Не то что мотоцикл, неаккуратный грибник не проскочит.

Школьники постарше охра-

няют лес от нарушителей, от пожара. Помладше — собирают семена, лекарственные травы.

Когда я был на Воронежской станции провожали в дальнюю дорогу пионеров из разных районов области. Они ехали в Уфу на Всероссийский слет школьных лесничеств и юных любителей природы.

Чтобы стать победителем такого конкурса в своей области, надо разбираться в породах птиц и рыб, семенных и лекарственных растениях, способах ухода за посадками, уметь определяться по буссоли и компасу.

Ну, скажем, как различить листья или семена ивы, ольхи, черноплодной рябины? «Как? — удивятся многие, особенно живущие в северных областях европейской России. — Ничего нет проще: сто раз видели!» Но вот один из делегатов слета — Сергей Покузнев из Калачеевской средней школы гово-

Так приходят ребята
Каменной степи
на праздник птиц

рит, что это не так: «У нас, на юге Воронежской области, нет ни ольхи, ни ивы, ни черно-плодной рябины».

Так что, видите, даже ольха может оказаться трудным «орешком».

Зато Сергей отлично знает разновидности дуба, растущие в центральной России. Ну да и ольху он тоже, разумеется, знает. Иначе не вышел бы и победителем в конкурсе.

Победителем может стать каждый.

Успех победителей — это работа 126 школьных лесничеств, 134 агро-мелиоративных звеньев области. Это целая армия юных лесничих и лесоводов. Это сотни гектаров их леса.

Вот на выбор рапорты шестиклассников, которые получила СЮН, Воронежская станция юных натуралистов.

Отряд «Кленовые листья»: «Произвели посадку на площади 15 га. Работали на питомнике по уходу за лесокультурами. Изготовили и раз-

вели 40 гнездовий. Оправили березы на площади 5 га. Высадили многолетних цветов — 150 шт., однолетних — 600 шт. Организовали зимой 20 птичьих столовых. Собрали 5 кг лекарственных трав».

Отряд «Дупляночка», отряд «Тополек», отряд «Лесные сторожа». Десятки папок. Тысячи высаженных деревьев. Сотни килограммов семян.

А на опытных участках СЮНа идет кропотливая селекционная и научная работа. Да, да — научная! Ставят ребята опыты по выращиванию различных хвойных пород под цветной пленкой. Следят за развитием голубой ели...

Нет красивее, строже и наряднее этого дерева. Именно она, голубая ель, высажена и у Кремлевской стены, и у Мавзолея Ленина.

Каждый день приходят к своим любимцам юннаты, шестиклассницы Лена Коротких, Света Калаева, Лариса Каниюшкин, поливают, следят за

почвой, измеряют рост. Как заправские селекционеры, все-все записывают в журнал...

В ста двадцати километрах юго-восточнее Воронежа находится Каменно-степная школа.

Когда-то, много-много лет назад, земля в этом районе была невеселой: ни деревца, ни кустика, огромные овраги, их здесь называют балками. Дули сухие ветры, выжигали посевы. Голая степь! Каменная — так именовалась она официально, потому что как раз до этого рубежа дополз в далекие времена ледник и, отступая, оставил на полях и в балках валуны.

Именно здесь, в балках, на трудных для сельского хозяйства землях еще до революции стал проводить свои знаменитые опыты ученый почвовед В. В. Докучаев. Теперь балок нет. То есть они существуют, но, перегороженные плотинами, давно превратились в пруды и озера. На их берегах — молодые и старые роши. Ста-

рые, посаженные еще при Докучаеве, — это высоченный лиственный лес.

В этом краю роши не только по склонам балок, но и вокруг полей.

Поля надежно защищены от ветра лесными полосами.

Вот здесь, в заповедных местах Воронежской области, и живут, учатся, трудятся ребята Каменностепной школы.

Есть на этой земле настоящие заповедники. Как, например, тот, возле которого сфотографирован «зеленый патруль» седьмого класса. Это огромное поле — сурчинный заповедник.

По утрам, когда солнце вот-вот взойдет, сурки столбиками стоят у своих нор. Смешные, толстые зверьки. Знают, что человек их не обидит, но все равно быстро прячутся, как только вы подойдете поближе.

Может быть, где-то дальше, на юге, в нетронутых степях, колоний сурчиных больше, но тут, среди распаханых земель, сурки редкость.

Да и не только сурки. Некоторые виды растений тоже, к

станованной во время работы в школьной бригаде на школьном поле.

А пятый сидел на тракторе и как раз остановил трактор на краю поля возле нас в начале нашего разговора.

...Куда это собирался проехать мотоциклист? Разве он не видит, что лесную дорогу перекрыл шлагбаум? Ведь разгар лета, бездорожье, сушь! От мотоциклетной искры может вспыхнуть лесная подстилка. Нет, таких „любителей природы“ в эту пору пускать в лес нельзя.

„Зеленый патруль“ Каменностепной школы у сурчинного заповедника — семиклассницы Е. Сокло, Е. Принева, Т. Тырнова

сожалению, стали встречаться реже. Зверобой, например, или чабрец — от выкашивания лугов, от того, что растения выбивает копытами скот.

Тут большой простор для раздумий: как лучше сохранить богатство и красоту земли?

И ребята Каменностепной школы думают об этом, помогают взрослым делать посадки деревьев — по крутым склонам балок, вручную, разводят засухоустойчивые сорта картофеля, ячменя, тритикили (гибрида ржи и пшеницы).

— Кем вы хотите стать? — спрашивал я у них.

— Агрономом-вирусологом, — отвечал один.

— Агрономом-плодоовощеводом, — отвечал другой.

— Агрономом-агротехником, — отвечал третий.

— Агрономом по защите растений, — отвечал четвертый.

Понимаете? Не просто агроном. А с особенной специализацией, облюбованной и прочув-

— Я буду трактористом, — ответил он.

А надо вам также сказать, что управлять трактором обучаются здесь все мальчишки и девчонки.

В это время подошел к нам один скучный гражданин. Его тут по-местному называли «корюзлый». Послушал этот корюзлый-заскорузлый наш разговор и недовольно спросил у мальчишки-тракториста:

— А чему ты здесь научишься?

— Как чему? — посмотрел на него с высоты трактора мальчишка. — Научусь обрабатывать и беречь землю!

Трактор заревел и покатил по полю, волоча за собой культиватор. И никто больше не взглянул на корюзлого гражданина, которому было явно невдомек, что нет более важного и почетного дела на земле, чем обрабатывать и беречь землю.

И. СМОЛЬНИКОВ
Фото автора

РОМАШКИ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Как на весь долгий год сохранить цветы живыми?

— Поставьте их на мороз! — советуют ленинградские ученые. — На ледяном пронизывающем ветру букет не только сохранит свой внешний вид и аромат, но и... питательные свойства.

«Закрывайте двери — берегите холод!» — такая табличка встречает нас при входе в лабораторию. За плотной дверью медовый аромат клевера и мороз. На термометре — минус восемнадцать! А между тем в помещении зелено-зелено. Смотришь, и глазам не веришь — самые что ни на есть живые цветы! И только пушок инея на стеблях напоминает, что растения находятся во власти мороза...

Потирая время от времени покрасневшие нос и уши, я долго бродил по этому странному, замерзшему «лугу». Обламывал хрупкие лепестки у ромашек. Позванивал остекленевшими колокольчиками.

— Как же так, Леонид Андреевич? — спросил я руководителя эксперимента кандидата технических наук Л. А. Сулиму. — Розы и гвоздики в стужу моментально вянут — это всем известно. А тут все свежее, будто сегодня сорванное.

— Что ж, поделюсь секретом, — улыбнулся ученый. — Эти лютики и одуванчики мы срезали еще летом прошлого года. И сразу поместили в особую камеру, где на них обрушили прямо-таки «космический» холод — минус восемьдесят! Жестокость? Да, но без нее не обойтись!

...Оказывается, если воду в клетках живых растений замораживать постепенно, то она ведет себя обычно — превращается в маленькие и очень острые кристаллики льда. Льдинки, словно нож хирурга, вскрывают оболочку клетки. Это ведет к быстрой ее гибели.

А вместе с клеткой погибают и находящиеся в ней белки, полезные ферменты и витамины.

Другое дело, если растениям нанести мгновенный удар сверхнизкими температурами. Вода не превращается в твердое тело, она остается вязкой. Такой она будет и при последующем «потеплении» в камере до минус 18.

А теперь о том, зачем ученым понадобилось усыплять на зиму цветущие травы.

Специалистам то и дело приходится выслушивать сетования тружеников села, что, мол, трава поднялась на славу, да дожди не дают заготавливать. «Вот мороз ударит, и все тут», — говорят они. Но все ли? Ведь сами мы все продукты, в том числе зеленые овощи, прячем в холодильник. И ученые решили: «Будем так поступать с травой».

В этом месте вы задумаетесь и скажете: «Дорого!» Но ученые возражат:

— Все полезные вещества безвозвратно теряются при сушке травы в неблагоприятных условиях. Бывает, что по весне химики не могут отыскать в копне или силосной яме и следов витаминов. Надо ли объяснять, какая это беда — плохие корма. У животных снижаются привесы, падают надои. Коровы чаще болеют. Да и молоко зимой не то, что летнее. Трудно из него сварить добрый сыр, сбить масло высшего сорта...

И еще. Выяснилось, что корове, как и нам с вами, нравятся букеты из ромашек и колокольчиков. Нет, в красоте они вряд ли разбираются. Просто самые вкусные и ценные

для животного вещества находятся не в листьях и стеблях, а в цветках и коробочках с семенами. То есть именно в том, что прежде почти всегда терялось при заготовке старыми способами.

ДОМ ЗА ПОЛЧАСА

Герой из сказки построил дворец за одну ночь. Но там ему помогала волшебная сила. Ленинградский инженер Борис Иванович Петраков соорудил настоящий дом из железа и бетона всего за два часа. При этом единственным его помощником был... крохотный вентилятор.

Даже те, кто наблюдал событие от начала до конца, глазам не верили — так сказочно быстро все получилось!

К месту стройки подъехали две машины. В одной — необходимые материалы, в другой — мягкая оболочка из прорезиненной ткани. Когда пакет развернули, оказалось, что это точная копия дома, аккуратно склеенная по «выкройке» архитекторов.

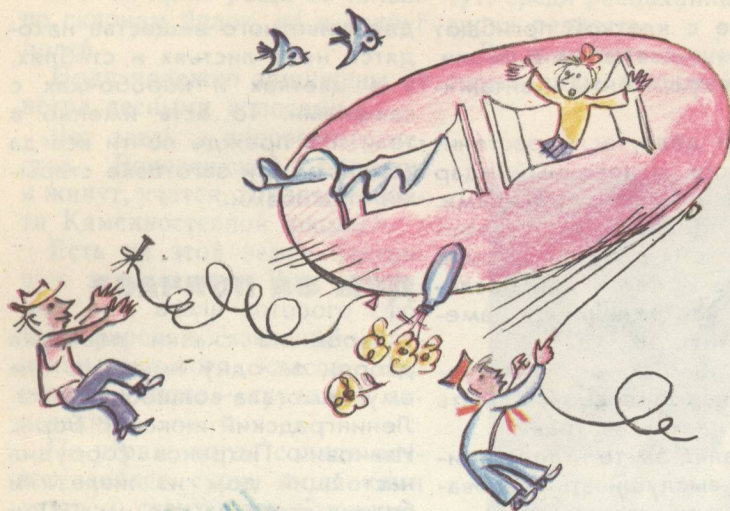
Борис Иванович разостлал на фундаменте мягкие стены и крышу будущего здания. Потом на оболочку уложили слой бетонной смеси с гибкой металлической сеткой внутри. И в дело вступил вентилятор.

Дом начал раздуваться, словно футбольная камера. Поползла вверх крыша, потянулись вслед за ней стены. Уже через тридцать минут сооружение приняло нужную форму. Все складки на стенах и крыше расправились. Дом был готов!

— Назавтра, когда бетон затвердеет, вставим окна и двери, — сказал автор «чуда». — А из оболочки выпустим воздух и отправим ее на другие строительные площадки. Пионерский лагерь или дачный поселок таким образом можно построить за несколько дней. Нужно всего несколько надувных камер для возве-

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Неудобства? Они тоже есть. Инструкция для хозяев гласит: не забывайте, пожалуйста, что в стены вашего «воздушного замка» нельзя забивать гвозди! Ведь дом, как воздушный шарик: проколи его — и крыша тут же опустится вам на голову.

А о летающей теплице вы слышали? Со стороны она напоминает аэростат, но ученые добиваются в ней небывалых урожаев!

Специалисты Ленинградского агрофизического института склеили из полиэтиленовой пленки легчайшее строение. Два вентилятора постоянно нагнетают сюда теплый воздух. Под парящим в воздухе

дня магазинов, гаражей, спортивных сооружений... ние. Освещение. Водопровод. Весит дачный коттедж 150 килограммов и надувается за три минуты.

А если мы не захотим поселиться в бетонном доме? Тогда, предложили ученые, поселяйтесь прямо в воздушной оболочке. Опытные экзотопляры этих удивительных сооружений уже построены киевскими инженерами.

В таком доме можно жить постоянно или выезжать с ним на природу. Представьте себе легкое строение пятиметровой высоты. Прозрачный, пропускающий солнечный свет потолок. Три комнаты. Отопле-

ние. Освещение. Водопровод. Весит дачный коттедж 150 килограммов и надувается за три минуты. Предположим, к вам приехал гость. Вы надуваете запасной боковой «карман» дома — и дополнительная пристройка готова!

Дом-пузырь сохраняет свою форму благодаря работе всего одного небольшого вентилятора. Утечке воздуха мешает шлюз — наподобие того, какой есть у космического корабля. А здесь он заменил входное крыльцо.

шатром света больше, чем в обычных теплицах. Почему? Да потому что теперь не нужны переплеты и рамы, которые сегодня забирают так много света при выращивании овощей под стеклом. За обилие солнца овощи платят сторицей — их в надувной оранжерее собирают вдвое больше обычного.

Опытами биологи заинтересовались украинские рыбководы. Ведь растениям и подводным жителям нужны примерно одинаковые условия — освещение, тепло.

Под Киевом уже поблескивает на солнце теплица-аквариум площадью в один гектар. На дно аквариума положена пленка, а крыша — надувная.

В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунки А. Януса

ПЕРЕСТУПЕНЬ

Рисунки
А. Рейпольского

БЕЛЫЙ

ПОВЕСТЬ

Алексей ЛЕОНОВ

Когда проходят десятки лет жизни, часто вспоминаешь свое далеко укатившееся детство, стараешься вспомнить каждый час и каждый шаг той далекой жизни. Но вспоминается больше лишь хорошее, а если и нарисует память картину непохвального поступка, то в этой картине оказывается больше светлых и веселых красок. И все, что остается в памяти, помогает жить и в трудные минуты, и в радостном пребывании. С годами больше и чаще вспоминается детство. Оно не хочет оставаться в забвении. И пишут поэты о детстве стихи, сказочники сочиняют сказки и много-много людей оставляют воспоминания другим людям, рассказывают о себе и не о себе. Когда человек описывает свое детство, то он пишет не о себе, а о детстве: о детстве сестер и братьев, о детстве друзей и недругов, и если он называет себя героем, то тут надо еще посмотреть, а он ли главный-то герой.

Вот и от меня моя память потребовала написать повесть о детстве. Ей нет дела, хочется мне приниматься за этот непосильный труд или не хочется. Она одно говорит: «Пиши!»

МОЙ ДЕНЬ

Утром я проспал. Наверное, я очень любил поспать. Я слышал, как слезал с печки Мишка, я чувствовал запах дыма, когда мать зажгла в печке дрова, но я не проснулся, пока не разбудила меня мать.

— Ленка, Лень, — слышал я тихий голос матери, тихий и добрый. Она звала меня проснуться и жалела, что будит меня. Долго слышался ее голос. Я отзывался на него мычанием, закапывался в подушки.

— Лень, твой день пришел, — сказала мать. — Вставай, посмотри, какой он ясный.

Я разом вскочил, вспомнив о важности ново-

го дня, и стал торопливо одеваться. День надо было рассматривать на улице. В избу он заглядывает лишь одним глазком солнечным с утра в одно окно, а потом в другое, а на улице он весь смотрит на тебя, большой: от земли до неба и со всех полей и лугов.

Я очень не любил, когда меня будили, но в этот день пожалел, что проспал, что отец был уже на работе, Мишка ушел в школу, а спала лишь сестренка в люльке, потому что она была маленькая совсем и ей не надо было никуда вставать. Я тогда знал уже от брата, что у каждого дня есть число, знал, что оно *двадцать девятое* из весеннего месяца *марта*, а год, когда я появился в доме, был *тысяча девятьсот двадцать девятый*.

Помнить я начал раньше, чем научился обуваться в лапти. Да, тогда мы ходили еще в лаптях. И опять быть бы мучениям с онучами и веревками, быть бы и слезам, но по случаю моего главного дня мать быстро обула меня и отпустила на все четыре стороны посмотреть на солнце, на сад, на птиц.

Перед окнами нашей избы росли тополь, высокая тонкая березка и толстая ракета. На каждом дереве висело по скворечнику. Я сразу задрал голову на верхушки деревьев. На гибкой верхушке березы сидела ворона. Она закаркала, словно обрадовалась мне или обозлилась, что я вышел на улицу. Скворцов не было у скворечников. Я прикрикнул на ворону. Она качнулась, забила по воздуху крыльями и улетела на высокие соседние березы. С огорода вдруг прилетел скворец, сел на воронье место, огляделся и свистнул, потом потрепыхал крыльями, покрякал по-утиному, передразнил жеребенка, изобразил петуха и полетел на колхозный сад.

— Не живут. Скворечники с дырками, — сказал я.

Мать вышла с ведром за водой, спросила:

— Что с дырками? Не лапти ли?

— Нет. Скворечники с дырками. Скворцов нету. Один посидел на березке и улетел.

— Будут скворцы. Этот чужой был. Наши, видно, не долетели еще.

— А когда они долетят?

— Пора уже, вот где-то замешкались, — ответила мать и опустила в колодец ведро.

— Ой, весна, весна, — сказала она. — Вода поднялась. Скоро без веревки черпать можно будет.

Я подошел к колодцу и заглянул в него. Вода была недалеко. В ней отразилось мое лицо.

— Не смотри в колодец, — сказала мать. — Вокруг скользко, упадешь туда — и поминай как звали тебя.

Я отошел от колодца и увидел сразу двух скворцов на тополе. Один пел у скворечника, а второй подбирался к нему. Поющий прогнал его и вернулся на тополь.

— Мамка, наш скворец прилетел, — крикнул я.

— Некогда мне ими любоваться, — ответила мать из-за двери. — Твое это дело.

Следить за скворцами действительно было делом моим. Мишка вычистил на днях скворечники, поправил их и наказал мне смотреть, прилетят ли к нам скворцы.

— Прилетели, — сказал я и направился в сад.

Снег в саду просел, сугробы убавились. Зимой Мишка с большими ребятами сделал в сугробе дворец снежный. И когда он уходил в школу, то я играл в этом дворце со своими дружками. Теперь дворца не оказалось. Своды его рухнули, остались развалины. Прошлым днем было тепло, пасмурно. Туман разъел снег, сделал его рыхлым, снег и перестал держаться.

Утро моего дня напустило на снег мороз, снова схватило его твердой коркой. Я выбрался от хлева на сугроб, не утонул. Осторожно ступая, направился через сад в огород.

Зимой в огород отец навозил навозу. Все навозные кучки вытаяли из снега, все следы превратились в большие круглые ямки. Я уже немного знал, где чьи следы, но теперь они все подряд сравнялись, пугали, словно были не кошачьими или заячьими, а огромных страшных зверей. Мне показалось, что звери эти затаились за навозными кучками, и от дома мне лучше не уходить.

Когда я выбрался из сада к порогу, у тополя стояла подвода. Я бросился в избу. Заехал на завтрак отец. Он был веселый в праздник.

— Пришел, — сказал он, — а то мать меня без тебя за стол не пустила. Раздевайся, умывайся да завтракать.

— А я умывался, — сказал я.

— Да, он сам умылся, — подтвердила мать, — ни словом не заставляла.

— С чего бы это? — удивился отец.

— Ай не знаешь с чего? — спросила мать. — Подумай, может, вспомнишь.

Отец не мог вспомнить. Я рассмеялся и сказал:

— Да главный же день мой нынче! Я к вам пришел-то в этот день.

Отец хлопнул ладонями, воскликнул:

— Вот оно что! А у меня совсем память отшибло. Думаю, с чего бы тебе добровольно умываться? А тут важная причина. Ну, за стол тогда разом. А после завтрака куда-нибудь прокатимся с тобой.

— Куда? — спросил я, показывая нетерпение.

— На кудыкину гору, посмотреть там собачью свору, — пошутил отец. — Сядем в сани — дорога сама скажет тебе, куда мы направимся.

Поехали мы тогда с отцом в село. Отец сделал дяде Семену кадушку, повез отдавать, не дождавись его за своей вещью. Но я решил, что отец поехал в село, чтобы прокатить меня в мой праздничный день, а заодно и сvezти кадушку.

Отец сразу из дома пустил лошадь рысью. Снег уже снова разрыхлился, зашумел под лошадиными ногами и под санными полозьями. Колька крикнул с порога: «Куда вы?» — и погнался за нами. Но по дороге он споткнулся, сунулся в снег, посмотрел нам вслед и стал подниматься.

— Упал Колька, — сказал я отцу.

— Прокатиться хотел, — ответил отец, — но мне некогда сейчас с ним заниматься. В другой раз прокачу.

Потом на нас накинулась собака Машковых. Отец остепенил ее кнутом и направил лошадь на нижнюю под деревней дорогу. Мне хотелось ехать по деревне, чтобы ребята видели, как я еду. Напротив своего дома выбежал на бугор Васька Федосеечкин, проводил нас взглядом до мосточка.

Дорога побежала в гору, но лошадь пошла шагом, а отец слез с саней, дал мне в руки вожжи и пошел следом за санями.

— Пап, садись, — сказал я. — Не тяжело.

— Пройдусь немного, — ответил он. — Скоро тут хлынет половодье, не ступишь ногой. Ах, как зашумит вода-то! — Он махнул рукой: — Все тут затопит и дорогу смочет, унесет по лугам.

Когда мы поднялись на перевал, отец снова сел в сани и пустил лошадь под изволок рысью.

— Пап, а ты хитрый, — сказал я.

— Откуда ты взял, что я хитрый? — посмеиваясь, спросил отец.

— Да, ты шел пешком, лошадь жалел, а сказал...

— Ну, разумеется, разумеется, — согласился отец. — Ради скотины можно и похитрить. А так какая во мне хитрость? Когда б я не слез с саней, сказал бы, что лошади легко, дорога хорошая, тогда больше было бы хитрости. А ты тоже хитрый. Разгадал мои слова.

— Не, я тоже не хитрый... Я не хочу хитрым быть.

— Это хорошо, — одобрил отец. — Хитрым не стремись стать, а от разума не бегай.

— Не буду бегать, — ответил я. — Я, пап, шагом ходить буду.

Отец рассмеялся.

— Это от разума-то шагом ходить? К разуму надо идти и бежать! — Он посмотрел на небо и сказал: — День какой солнечный! Счастливей ты человек!

— А когда я к вам пришел, тогда тоже такой день был?

— О да! Тоже светило солнце и скворцы с жаворонками пели.

— А я не помню, — сказал я.

— Ясное дело, что не помнишь, — ответил отец. — У маленьких памяти не бывает.

СКАЗКА О РАДОСТИ

Рядом с нами под одной железной крышей жили Лукьяновы: бабка Фекла, да ее сын Василий Кузьмич с женой Ольгой Михайлов-

ной, да дети их, Колька и Витька, который сразу назвал себя Тикой, да так и звался и теперь зовется, а еще их новый брат Шурка, он еще качался в люльке и не имел в нашей жизни никакого значения.

Колька был буйный, всегда ругался с бабкой, а бабка была сварливая, ей все равно было с кем ругаться. И вот с утра и на весь день у нее заводился скандал. Ходить я к ним не любил.

Рядом с ними жили Ефремовы, а дальше Смальковы. Там жила моя тетка Варя, но мы ее всегда звали няней, няней Варей.

Она нянчилась с моим братом, со мной, хотя я этого не помню, а потом, когда мне было два года, их дед Серега привез им из Москвы в корзине тоже Леньку. Он быстро вырос, и мы стали с ним дружить. У Леньки была бабка Аня, ласковая, добрая и желанная.

Ленька не отставал от меня ни на шаг. Я воспитывал его, заступался и не пускал в опасные места. Жили мы и росли, словно родные братья.

Однажды весной я пришел к ним, а Ленька ревет, никого к себе не подпускает, ничего не ест, не пьет. Я посмотрел на него, вздохнул и сказал:

— А у Феклы тоже крик стоит. Я не пошел к ним...

— У Феклы-то и стоять крику, — сказала бабушка Аня. — Там радость в дом не залетала. А у нас-то с чего бы быть крику?

— Бабушка, а к вам залетала радость? — спросил я.

Ленька замолчал, прислушался. Бабушка ответила:

— У нас она все время жила, а теперь вот крикун-то прогнал ее.

— Нет, не прогнал! — крикнул Ленька и встал с пола. — Я есть хочу.

— Давала тебе есть, а ты криком занялся, — сказала бабушка. — Садитесь теперь вместе за стол. Только тебе, крикуну, умыться надо сперва.

Я сел за стол первый, спросил:

— Бабушка, а у нас радость живет?

— Живет и у вас, детка. С чего бы ей у вас-то не жить? Мать ваша работающая да добрая; отец умелец да весельчак; вы спокойные да послушные. Живет у вас радость, живет.

— А я не видел ее, — сказал я.

— Ну, да ее не всяк видит. Чему уж удивляться-то? Она не лезет на глаза. Некогда ей перед людьми красоваться. Заботушки у нее край непочатый.

— А что она делает? — спросил я.

— О, о ее делах долго рассказывать. Ну, погодите, вот усядетесь за стол, а я поросенку корму вынесу да расскажу вам про нее. Все порядком расскажу, ничего-то не утаю.

Бабушка понесла корм поросенку. Ленька

сел за стол, и мы стали с ним уплетать гречневый молочный кулеш. Когда бабушка Аня вернулась в дом, взяла клубок со спицами, стала вязать чулок и рассказывать нам о радости.

«С каждым человеком приходит на всю жизнь Радость. Веселая она каждым часом, добрая. Вот улыбка-то у нее — во все лицо сияет. Утром просыпается человек, а Радость тут как тут. Посмотрит он на нее и улыбнется. И куда бы ни шел человек, ни ехал, Радость все с ним. Уморится он в дороге, вот нахмурится, а она ему на ушко скажет: «Не дело тебе хмуриться, друг мой. Всяк путь труден. Наморился — не дуйся. Знай, что я с тобой рядом. Сядь на обочину, на травку шелковую, полюбуйся цветочками, посмотри на пчелок-букашек. Отдохнешь да и дальше потопаем с тобой». Присядет прохожий человек на травку-муравку, отдохнет и снова путь свой в радости справляет. Так и в любой работе Радость человеку помогает. Вечером, когда солнце за край земли зайдет, Радость людям звезды по небу рассыпает, месяц али луну выкатывает, чтобы в ночь темную о потемки не стукнуться. Нет человеку сна — любуйся небом бисерным, а сон скажется — Радость веки тихо прикроет и сама отойдет на отдых в гнездо свое теплое.

А начнет человек капризы выказывать, Радость и отойдет от него, на желты цветы отлетит да и останется на них, будет радовать всех добрых и веселых. Беречь Радость-то свою каждому надо. Без нее во злости-то да строгости непомерной какая жизнь? Во злобе сердце воспламениться может да сгореть до времени — жизни не поведает».

— Бабушка, кулеш весь, — сказал Ленька.

— И сказка кончилась, — сказала бабушка. — Оближите ложки — и на волю. Только к пруду одним не ходить, огнем не баловаться и в колодец не смотреть.

— Бабушка, а у Радости есть враги? — спросил я.

— Есть враг у нее, у солнечной, один вражина — Злость. Отступится от тебя Радость — Злость тут как тут и заняла свое место.

— А про злость тоже есть сказка? — спросил я.

— Про нее я не слыхала сказки, верно, есть тоже, а услышу, так и расскажу вам ее разом, — пообещала бабушка.

Но этой сказки от бабушки Аняты я не дождался, а со Злостью встречался сам не раз, когда забывал о Радости, и расскажу о ней все по порядку.

От привычки спать я просыпался позже всех. Отца в избе не было. Он уже работал до завтрака на улице. Мать если не уходила к колодцу за водой или не доила корову, то топала печь, гремела ухватами, чапельником, кочергой, выставляла шипящие чугуны со сковородками. По избе разбегался аппетитный,

дразнящий запах жаркого или блинов. Мой брат Мишка сидел за столом и уплетал печеную картошку, блины или саломату, а потом пыхтел над обужей-одежей и вываливался на улицу.

Меня к этому времени брала в плен Злость и корчила меня. Она надувала мои губы, щеки, насупливала брови, заставляла пыхтеть и бухать по печке ногами.

— Кто это там стучит? — спрашивала мать. — Вот завали мне печку — будет тебе. Ни картошки печеной не получишь никогда, ни блинов.

— Да, а что он все поел и ушел, — дулся я.

— Ранняя птичка носик очищает, а поздняя глазки протирает, — отвечала мать. — Вставай. Сейчас отец завтракать придет.

— Пускай приходит, — злился я и оставался на печке.

Вот уж эта злость! И рад бы я был разом слететь с печки, смочить глаза водой, нос и сесть за стол вместе с отцом, степенно позавтракать, пошутить, порадоваться чему-нибудь, но злость не позволяла, нашептывала: «Не спеши. Полежи еще, позлись. Пусть они поклоняются тебе, коль обидели, не побудили, как сами встали». И я злился, пыхтел хлюпал

— На блинок съешь, — говорила мать и подавала мне через печное плечо сухой блин.

Я обжигал о блин руки. Злость подталкивала меня: «Злись, злись! Тебе же горячий блин дали. И без сметаны, и песком не посыпали».

— Да, он обжигается, — канючил я.

— А ты подуи на него, — советовала мать. — Холодный блин — не блин, подметка от сапога.

В избу входил отец. От него шел холод, но сам он был без вязенок, горячий, как мне казалось, и радостный. Он раздевался, заглядывал на печку:

— Спит еще соня? — спрашивал он.

— Проснулся. Молнии мечет с утра, — отвечала мать.

— Переспал, — говорил отец и обращался ко мне: — Сын, сползай со мной завтракать. Потом в ригу за мякиной поедем.

Я слезал, словно дед, с печки, смотрел в печь на яркий огонь и все еще злился. Печь дотопливалась, все уже сжарилось, спеклось, сварилось, а я еще босиком.

— Полей-ка, сын, на руки.

Я беру кружку и лью на отцовские руки, большие, шершавые от зимней работы, холодную воду.

— Ну, а теперь подставляй ты свои, — говорит отец.

— А ты не умывался, — замечаю я.

— Э, я умылся еще когда за окном не брезжило.

Я запоминаю слово «брезжило» по-своему: «не брюжало», надеюсь, что оно мне обязательно пригодится, сжимаюсь в комок и подставляю свои крохотные ладошки под кружку. Я вздрагиваю от водяной струи, но, о чудо! — вода теплая. Это мать успела добавить в холодную воду теплой. Я от радости улыбаюсь, тру

руку рукой, тычу мокрым пальцем в один глаз, во второй, провожу опять же одним указательным под носом и — готов к параду.

ЗА ДРОВАМИ

Еще осенью нарубили в лесу дров, и тогда отец сказал:

— Путь наладится — привезем по снегу.

Я знал, что «путь» — снег, зимняя дорога. Дрова легче возить на санях, и ждет вся деревня этот санный путь. Но давно прошел первопуток, сколько сугробов зима наворочала, сколько снегу намело всюду, а дрова все лежат и лежат в лесу, как будто забыли о них. Спрошу у отца:

— Пап, ну когда же дрова привезем?

— Привезем.

Вспомнится мне в непогоду, как лежат они там на поляне, и жалко их станет. Снегом их заносит, морозом морозит, и волки подходят к ним. Дома-то хорошо им было бы...

А хорошо ли дома-то, вдруг придет на ум, спрошу у кого-нибудь:

— Больно дровам, когда они горят или не больно?

Брат говорит, что дрова не чувствуют — им не больно. Отец задумается, ответит: «Может, и больно. Посмотри, как они горят, подумай сам, больно ли им». Мать говорит: «Бог его знает... найдет о чем пытаться. От огня всему больно».

Смотрел я в печку и видел, как плачат дрова, трещат, извиваются, когда огонь по ним прыгает. Думал тогда, что лучше, если они в лесу, но потом опять жалко их станет.

Пошла мать в Гудиловку мимо леса, отец наказывает:

— Посмотри, мать, дрова-то наши целы?

— Зайду гляну, — отвечает мать. — Надо выбрать день да перевезти нам их.

— Выберу, — говорит отец. — Все никак не выбераться.

Сколько можно выбирать этот день и откуда еще отцу надо выбираться, чтобы съездить в лес? Новый год прошел давно, печку мать соломой топил, а дрова в лесу. Но вдруг наступил этот день. Утром отец шепнул мне на ухо:

— От дома никуда не уходи. Съезжу в поселок, поедем за дровами.

Я долго старался не выходить из избы: как выйдешь на улицу, по шагжку, по шагжку — и уйдешь, а потом забудешь, что в лес надо. Отец тоже долго не возвращается. Я и матери надоел, спрашивал, когда да когда он придет.

— Разве скоро, — отвечает мать, — пока туда да сюда, а там к свату Афоньке, поди, зашел, и Максим мимо тоже не пропустит.

Приехал отец домой уже после обеда, зашел в избу, взял веревки, топор с лопатой — и мы отправились с ним в лес.

По деревне дорога с раскатами: сани то прямо едут, а то катнутся вбок, чуть не па-

даешь в снег. За деревней в лесу старый, занесенный след по балке. Это дорога. На ней всегда неровный снег, ямками, даже когда по снегу никто не проходит, не ездит.

Отец отдает мне вожжи, говорит:

— Правь лошадю, учись.

Он уступает мне место впереди в санях, сам отодвигается и задумывается о чем-то. Я осматриваюсь вокруг, смотрю на небо, на снег. Небо высокое, синее, только ястребы вьются и вороны куда-то пролетают. Отец говорит, что ястребы смотрят сверху на снег, ждут, когда мышь выскочит из-под снега.

— Они так высоко видят? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает отец. — Они очень далеко видят.

— А вороны куда летят?

— Вороны свой дом ищут, родину.

— У них нет дома? — удивляюсь я. — А гнезда не дома у них?

— Дома, но только на лето, а осенью они улетают из них, — рассказывает отец. — И родины у них нет поэтому.

— И касаточки улетают, — говорю я, — и жаворонки, и скворцы тоже.

— Улетают, — соглашается отец. — Но весной они опять прилетают туда, откуда улетели.

— А почему вороны не прилетают?

— Они летят и летят, не думают, что весна скоро наступит, а когда весна приходит, смотрят, а домой-то им далеко возвращаться — проворонили — и вьют гнездо где придется. Так и родину проворонили они свою.

Я смеюсь и дергаю вожжу. Отец говорит:

— Пусти лошадь, она знает дорогу, а то собьешь ее.

Начинается лес. Дубы все в снегу. Они, как деды в шубах, шли сверху и остановились на склоне, стоят и думают, уходить им из балки или перезимовать здесь. Тихо в лесу. Снег на ветках, как сахар, лежит. Следы заячьи спускаются с голого склона, прячутся в лесу.

— Пап, а это собакины следы? — спрашиваю я.

— Эти, точечками? Лисьи. Кумушка лиса охотилась.

— Она кумушка?

— Кумушка, — подтверждает отец. — Она любит в кумушки рядиться. К волку в кумушки идет, чтобы он заступился за нее, а к зайцу — чтобы деток его поест.

— А к медведю тоже? — спрашиваю я.

— И к медведю, — отвечает отец. — Чтобы подарки ей носил. А барсук ее в нору от собак пускает.

— Вот хитрая какая, — удивляюсь я.

— Хитрая, — подтверждает отец. — У нее и следок такой, как будто на одной ножке попрыгала.

В лесу закричала сорока, поднялась над дубами и полетела, а за ней появилась другая.

— Ох, сплетницы, — говорит отец, — подслушали наш разговор и понесли дальше.

Я слышал не раз: «Сорока на хвосте принесла — и верить этому?»

Спрашиваю у отца:

— А кому они понесли?

— Зверям, птицам, а то и человек какой встретится, и ему натрещат, что лиса на одной ноге прыгает. Не разберутся эти сороки, о чем речь, вечно спешат, не слушают...

Из леса вдруг выскакивает заяц. Я не успеваю понять, испугался я его или не испугался, а отец уже кричит на него: «Держи, держи косога!» Заяц хотел перебежать нам дорогу, но вернулся в лес и скрылся в заснеженных ветках.

— Пап, почему все пугают зайцев? — спросил я.

— Чтобы он побегал, — отвечает отец. — А то замерзнет. И чтобы боялся всех, а то на него много охотников: и люди, и птицы, и звери.

Впереди на безлесом склоне показался зверь. Я обернулся к отцу, показал ему на зверя.

— А это она, кумушка наша, — говорит отец. — Не слышит и не видит нас. Сейчас мы ее.

Отец сильно свистит. Лиса мгновенно исчезает за бугром.

— Видал, как она метнулась? Проворная!

— А ее зачем пугают? — спрашиваю я.

— Затем, чтобы к деревне близко не подходила, кур не таскала.

По склону сходят большие следы. Я знаю, что это не собачьи, такие следы бывают только у волков, но спрашиваю:

— Пап, тут собака бежала?

— Где? Вот это? Тпру! — отец сходит с саней, смотрит следы. — Волки прошли, — говорит он мне. — Видно, вечером или ночью проследовали.

— А они в нашем лесу или нет? — спрашиваю я шепотом.

— Нет их в лесу, — говорит отец. — В нашем лесу им нечего делать. Какой это лес — снизу до опушки светится.

— А зачем они прибежали?

— Смотрели, нет ли тут чего лишнего. Бывает, поросенка в мешке потеряют. — Отец улыбается. — Лошадь истратится на работе, падет, бросят ее в овраг — они и лошадь в дело, чтобы весной от нее вода с воздухом не грязнилась.

— А если ничего, ничего не найдут?

— Тогда они в деревню бегут и проверяют, у кого ворота не плотно закрыты.

— Тоже хитрые, — говорю я.

— Хитрые. У каждого зверя своя хитрость, — поясняет отец. — Ну, кажется, надо сворачивать в лес. Пролезем ли. Снегу много.

Он берет за вожжи, направляет лошадь на лесной склон. Сани поднимаются в гору — надо держаться за санные грядки, чтобы не скатиться в снег. Дугой заденем дубовый сук,

и лошадь скрывается от меня за снегом и сани как будто въезжают на склон по-щучьему велению. Мне снегом осыпает лицо, слепит. Отец вдруг рукой клонит меня к себе и прижимает в сани.

— Приехали. Давай грузиться.

Я поднимаю голову. Лошадь стоит у куста. Отец обминает перед ней снег, чтобы положить ей сена. Рядом с санями снежная куча, словно большая муравьиная кочка.

— Пап, а где дрова? — спрашиваю я.

— А вот под снегом-то. Не видишь? Сейчас раскопаем... Ты в снег не слезай — утонешь, — предупреждает отец. — На возу у меня будешь.

Он кладет лошади сена, покрывает ее своей свитой, обтаптывает снег у дровяной кучи и верхним поленом сворачивает с дров снеговую шапку. Дрова в куче сухие. Кажется, что они теплые. Мы накладываем большой воз и едем домой.

В лесу стемнело. Мне страшно, и я прижимаюсь к отцу и слушаю скрип снега под санями, не разговариваю, чтобы волки не слышали, а то они еще и на сани вспрыгнут.

В небе загораются звезды. У дома они кажутся ниже, а над балкой светятся высоко-высоко. Мне хочется спрашивать обо всем у отца, но я молчу. А отец только с лошадью говорит, когда она тише идет, понукает ее. Я думаю, что ночью все молчат, потому что разговаривать темно.

В деревне в избах горят огни. Мать с сестренкой встречают нас у горы. Сестренку сажают со мной, а отец с матерью помогают лошади. Я шепотом рассказываю, кого мы видели в лесу. Сестренка боится и прижимается ко мне, ни о чем не спрашивает даже шепотом.

ВОЛКИ

Кто-то сказал, что к деревне подошли волки и не уходят. Отец говорит:

— А ну, ребята, собирайся, пошли.

Мы одеваемся. В ушах стоит гул: «Волки! Волки! Волки!» Как страшно! Хочется не пойти, остаться с матерью и сестренкой дома, залезть на печку и спать, но все мужики пойдут, и ребята пойдут, мне тоже надо идти.

— Надо же, — дивится мать, — к деревне пришли. Такого никогда не было. Пробежали стороной, а чтобы к деревне — и не припомним. Ты там навоз выкидывал — хорошо окно-то закрыл? — спрашивает она вдруг отца.

— Вроде хорошо, — неуверенно отвечает отец. — Сейчас выйдем, посмотрим.

— А там с проулка сугроб-то у нас наравне с крышей — не раскопали вы его, подходит волк — и прямо на крышу, — говорит мать.

— Там промежутки большой, — утешает отец мать. — Не решится он прыгать.

— Это ты так думаешь, — стоит на своем мать, — а волк по-своему сделает.

— Возьмем, сын, лопатку, копнем, — говорит отец и зажигает фонарь.

В хлеву от фонаря проносятся тени. Овцы лежат, корова стоит, пережевывает сено. Днем она глотает сено нежеванное, а ночью пережевывает.

— Окно закрыто, — говорит отец. — Тут и корова стоит — волк побоится лезть.

В сенях отец берет лопату — выходим в проулок.

— Куда ему тут прыгать! — произносит отец и втыкает в верх сугроба лопату. — Пойдем поглядим, где они там, волки.

В деревне почти все не спят. Слышатся мужские и ребячьи голоса. С фонарями люди идут на край деревни.

— Вон они, вон! — кричит кто-то.

— Ба-бах! — тоже крик чей-то.

Впереди идет брат, я за ним следом, сзади шагает отец с фонарем. Он говорит:

— Хоть бы одно ружье было на всю деревню.

— А почему у нас никто не купит ружье? — спрашивает брат.

— Охотников у нас нет, не повелись, — отвечает отец. — И ружья дорогие... Потом к ружью собаку надо заводить.

У крайней избы много народу. Все толпятся на косогоре, переговариваются. Светится несколько фонарей. За оврагом темно, глухо, словно там чужое поле. Кто-то кричит: «Улюлю их».

— Что тут? — спрашивает отец, остановившись у толпы.

— Волки. Гляди туда — глазами сверкают, — говорят отцу.

— И пусть сверкают, — отвечает отец. — Шум-то зачем поднимать?

— Они на деревню придут, если на них не шуметь.

— Солому зажечь надо, — говорит отец.

Парни вызываются пойти на волков. Они с железными костылями и крюками, какими выдергивают из ометов солому.

— Смотрите, накинута.

— Мы им накинемся.

— Герои какие!

— Не попадались в волчью пасть...

Парни скрываются во тьме. Я держусь за отцовскую шубу, смотрю в поле. Там что-то сверкнуло и исчезло.

— Были ближе, — сказал кто-то.

— Отбежали, испугались.

— Их, поди, и не было.

— А вон, вон они! — закричали вдруг многие.

— Как глазищами сверкают — прямо автомобиль!

Долго толкуются все на одном месте, говорят кто о чем. Парни не возвращаются. Кто-то далеко увидел сверкание волчьих глаз.

— А что же ребят долго нет? — спохватывается кто-то.

— Придут ребята, куда не денутся.

Их зовут, но ответа нет.

Слышится рассказ:

— Один мужик ночью на волков охотился. И с чем, думаете? С дубинкой. Видит, волк

сидит, воет, подкрадывается мужик сзади, хватать по голове — волк и растянулся тут же...

— Не слышит, что ли, он?

— Когда воет — на хвост ему наступай... А другой искал спящего волка. На ухо ему как крикнет! Всканивает волк, а через три сажени мертвый — разрыв сердца...

— Да, хитер тоже был охотник! — восхищаются мужики.

— Мужик, он чего не придумает!

— И смелость тоже нужна. Меня золотом обсыпай — шагу от деревни не шагну ночью.

— О таком тут и речи нет...

Слышится разговор парней. Они подходят и говорят, что ничего не видно, зря снег меряли.

Мужики расходятся. Я не отстаю от отца. Брат остается с парнями.

— Пап, а почему ты не боишься волков? — спрашиваю я шепотом.

— Говори громче, я не слышу.

— А ты не боишься волков?

— Чего их бояться? — спрашивает отец. — Человеку ничего не надо бояться, а то все одолевать его будут. Труса и воробыи заклюют.

Фонарь отец погасил. Я не держусь за отцовскую шубу, иду впереди. Ночь, кажется, стала светлее. В избах гаснут огни, все ложатся спать, а нас еще ждут, окна светятся ярко.

ДРУЗЬЯ ЛЮДИ, ДРУЗЬЯ ПТИЦЫ, ДРУЗЬЯ ЗВЕРИ

Говорят, что самое трудное в жизни — найти друга. Если бы я об этой трудности знал с малых своих лет, то я и не стремился бы впопыхах искать его. Но я сразу принял за поиски, да не одного, а многих друзей. С одним другом, я считал, будет скучно, а если их много — будет веселее. Среди больших ребят друга у меня не могло быть, потому что они пошли в школу. О чем они станут со мной толковать, какие общие интересы искать? А маленькие ребятки, которые моложе были, они, по-моему, в дружбе ничего еще не понимали, еще доросли до того понятия, потому мне и приходилось одно время расти почти самостоятельно. Ровесники у меня были, но мне они тоже казались недоростками, потому что мало знали, мало умели.

И дело было вот в чем. Род свой, отцовский, помню с прадеда, а материнский с деда и знаю, что все они были в пристрастии к разным ремеслам, но больше к работе с деревом. Сани ладили, салазки детишкам мастерили собственными руками, кадку — солить огурцы и квасить капусту — отгрохают любую, дом срубить — срубят; крышу поднять, раму оконную связать, дверь любую сплотить — это было обычным и привычным трудом. Молотилки, жатки настраивали. Пчел водили. Другие

и охоту уважали. Умели и борозду на поле прямехонько провести сохой или плугом. На луг выходили — не байки сказывали. Верно, и мне передалось все их умение. Сошло, как по лесенке, от прадедов к дедкам, от дедов к отцу, а от отца и ко мне. И зачем мне нужен был друг, когда всему меня учил отец и почти всюду брал меня с собой? Иные говорят, что отец сыну своему первый и лучший друг, но это совсем не так, у отца такие обязанности, что ни один друг не сможет выполнять; он твой заступник и защитник до конца жизни своей. Друга можно назвать по имени, при случае с ним можно и поцапаться, если возникли сверхдружеские разногласия. А попробовал бы я сказать отцу:

— Послушай, Данилка, что ты сказал, это чепуха. Делать по-твоему я не согласен.

— Ах, я тебе не отец, а Данилка? — был бы ответ отца. — И по-моему ты не согласен делать? Вот я тебе и прописываю согласие.

Дело не обошлось бы без чего-нибудь хлесткого. А я не возразил бы ему, не дал бы сдачи, как дружку на улице. Отец больше, чем друг. Куда бы я делся без него? Кто бы меня прокатил верхом на лошади, сперва у себя на коленях, а потом и одного, самостоятельно, когда другие мои сверстники еще и не приближались к ней? Кто бы мне дал подержать в руках ножичек, топор, долото, рубанок, ножовку? С кем бы я посадил первое дерево у своего дома? А кто меня поздно вечером взял бы к пруду ставить кубарь, а утром, когда все плавает, скрываясь в молочном тумане, когда ноги обжигает холоднющая роса, вынимать этот кубарь с ясными трепыхающимися, словно птицы в западне, карасями? Только отец может с тобой столько возиться, терпеть твою слабость и всякую необученность в делах.

Хороший друг тоже должен учить тебя всему, что он узнал первым, но больше твоего отца он все равно не будет знать. В чем-то ты и сам научишь друга. Он заступится за тебя, а ты за него. И если он хорошо учится, то и ты не отстанешь от него, он и тебя научит. Радуешься ты с ним вместе и горюешь, если на кого-то из вас горе свалится. Работаешь с ним рядом или службу проходишь вместе. Это уже дружба. Не зря говорят в таком случае: «Друзья — не разлить водой!»

С первым я подружился с Шуркой Беленьким. Так его прозвали за белые волосы. Он рогатки делать умел. Жили они на краю деревни. Под окном у них росла ракирка, а под ракиркой, у самого ее ствола, был колодец, а под ним внизу находился самый большой в деревне колхозный колодец, который тоже назывался Белым. Вода из этого колодца сама вытекала в ручей, была все жаркое лето холодной. У колодезного сруба стояло длинное деревянное корыто, из которого поили лошадей. Мы с Шуркой Беленьким в жаркую погоду бегали пить воду из Белого колодца. Мы ложились на животы над ручейком и пили. Потом

брызгались из корыта, когда в нем оставалась вода. Летом обычно корыто без воды не оставлялось, потому что без воды оно могло рассохнуть. Конюхи, напоив лошадей, снова наполняли его, а нам воды для баловства всегда хватало.

От колодца мы переходили через ручей, выбирались на выгон и через выгон добирались до конюшни. Вначале мы гоняли воробьев по сараям и амбарам (Шурка был заядлый воробьятник), потом дожидались обеда, когда съезжались с работы подводы и надо было поить лошадей.

Кто-нибудь из конюхов уезжал верхом первый к колодцу и наливал в корыто воду. Мы ждали команду, когда гнать на водопой табун. И лишь подавалась команда «пора», мы по перекладинам денников взбирались на самых смиренных лошадей и выезжали из конюшни. Ни уздечек, ни обротей на наших лошадях не было. Мы ехали по воле лошади. Весь табун выстраивался на водопойной тропе и медленно двигался к колодцу. Каждый из нас мог бы оказаться в голове или в середине конской колонны. Бывало, что первая лошадь остановится, и тогда останавливаются все. Наши крики и понукания не помогали. И лишь дед Алексан или мой отец, настигнув табун, могли подогнать заупрямившуюся лошадь. В хвосточке пруда лошади сходили полугорой к ручью, пересекали ручей, поднимались из оврага на выгон под нашей слободой и подходили к колодцу. Они тесно обступали корыто. Мы задирали ноги, боялись, что лошади раздавят их своими ребристыми боками. Спины лошадиные были рядом, можно было перелезть с одной на другую, но мы не смели, боялись. Напившись, лошади возвращались в конюшню, к свежему корму, и мы ехали на них в обратный путь.

Тогда мы с Шуркой ходили к крайней Карапетовой избе, где росли высокие березки под окнами, и на них всю весну, лето и осень висели качели, и мы качались на них. Потом Карапет куда-то уехал со всей семьей. Изба их опустела, и качелей не стало. Изба сперва была заколочена кругом, но одно за одним сорвались ставни, двери и выбились стекла в окнах. Мы заходили в избу, робели в ее нежилой тишине и тосковали от ее пустоты и разоренности. Позже не стало и избы, ее разобрали по бревнышку и увезли в другую деревню; обломался и засох сад; березки спилили и увезли вместе с избой.

Теперь на этом месте остался лишь бугорок от мусора, заросший бурьяном, да сохранилась небольшая заколоченная впадина Заложка, ниже этого бурьяна, откуда зимой и летом ручей наполнял водой наш пруд. Я тогда мечтал разрыть на Заложке все родники и сделать из них речку. Такое желание было у всех ребят. Мы приходили к ручью с лопатками, ковырялись в тяжелой глине, находили один-два родничка, но вода в ручье от них мало прибывала. Ребята один за другим начи-

нали лениться, бросали работу и разбрелись по домам. Когда у меня с ними почему-то расстраивалась дружба, мне особенно хотелось провести от Заложки речку, удивить их этим и поразить навсегда. Но мало было воды для речки, оставался прежний ручей, который и теперь, когда вся моя Каменка расселилась на новые места, все журчит под горушкой. И все равно моя речка, которую я мечтал пустить, смывала прудовую плотину, широко текла под деревней по широкому оврагу, сворачивала за деревней вправо, неслась бурно под нашим дубовым леском, миновала Гаек, Макеечкин ров, сливалась с глотовской речушкой, дальше соединялась с Чернью, с Зушей, с Окой, с Волгой и впадала в Каспийское море. И в гордом одиночестве я совершал по этим рекам далекие путешествия на волшебном корабле, на который потом зазывал и всех друзей, чтобы показать им свой труд.

У кого-нибудь может возникнуть подозрение, откуда мне было знать так точно географию, когда я еще и не учился? Но я ее узнал с самых что ни на есть моих допамятных пор. Секрет тут очень простой, и скрывать я его не собираюсь. Я уже сказал, что у меня был брат, а он был человеком особого ума. Он семь классов проучился только на «отлично». Тогда «колов» и «пятерок» учителя не ставили, словами ценили знания и труд, а не цифрами. Да какие слова писались: «отлично», «хорошо», ну, и ниже: «посредственно». Это значило, средне, середина, как среда в неделе. Там, где есть высшее, среднее, то должно быть и низшее, и оно было: «плохо», «очень плохо». А еще к такой оценке учитель возьмет да и восклицательный знак поставит. А этот восклицательный знак, на стрелу похожий, насквозь тебя пронзает. Это — слезы самому на долгие дни, беда дому, и кажется, беда земле, солнцу и небу. Дальше «очень плохо» двигаться некуда. Ты пригвожден им к вечному позорному столбу. А «отлично» защищает тебя от всех бед, уносит ввысь.

Путешествовать мне нравилось. Когда же я от брата узнал о Магеллане и Колумбе, то сам побывал и Магелланом, и Колумбом. Мне это ничего не стоило: если я в своей голове мог своими силами реки прокладывать...

Когда я научился верховой езде на лошадях, отец стал брать меня гонять в ночное табун. Теперь лошадь была с обротью. Я держался за поводья — управлял лошадей, помогал отцу собирать табун, и гнали мы его потом на луг под сад. Луг этот назывался Дубняком, потому что там в давнее время росли огромные дубы. К вечеру низина лугового оврага заливалась туманом. Лошади, казалось, плыли по туману. Было красиво и жутко. Солнце скрылось за полем, гасла заря. Мне представлялись волки. Отец снимал меня с лошади в холодную траву. Я боялся бежать через выгон, мимо пустой риги к дому. Росой обжигало ноги. Я поднимался на склон луга, где было тепло еще, выходил на тропинку, нарочно что-нибудь

спрашивал у отца, крича ему громко, а сам набирал скорость и неся, пока звучал его голос, во весь дух. Я спасался от волков его голосом. К отцу на луг приезжал дед Алексан, и они до утра пасли в ночном лошадей. Я удивлялся, как они не боятся волков, всю ночь проводят далеко от деревни.

Лучшим моим другом оказался мне мой двоюродный брат Ленька. Он родился на два года позже меня, но как-то вырос, что я не заметил даже, и мы с ним играли долгие годы. А тут все дело в том, что наши матери были сестрами, а жили мы через дом, нас и сводили вместе. У Леньки была бабушка, она была добрая, славная, нас она и мирила, сдружала. У них можно было быть как в своем доме, потому что родня, а когда мы играли у нас, то Ленька тоже считался своим и получал все то же, что и я.

Я помню, как мы с Ленькой однажды были грачами. Стояло лето. В конопле созрела замашка. Бабка Анята вышла за свой огород на колхозное поле выбирать замашку и взяла с собой нас. Она вывела нас на канаву за огородами, где росли кусты, деревья и проходила старая дорога, оставила играть. На земле играть нам показалось боязно, потому что деревню и бабушку Аняту от нас скрывала конопля, а с другой стороны к дороге подступала высокая рожь, вдалеке за рожью проходил луг и старый, поросший травой и лесом овраг. Оттуда могли подкрасться волки, наши всеобщие враги. Мы полезли на ракиту и объявили себя грачами. Я взобрался к самой макушке дерева, потому что был старше. Мы стали вить гнезда, громко каркая, махали руками, словно грачи крыльями. Наверное, мы свили бы настоящие гнезда, наверное, нанесли бы настоящих грачиных яиц и высидели бы настоящих грачат, если бы под моей ногой не обломился хрупкий ракитовый сук и я не рухнул на землю.

Позже я охотно учил физику с ее определениями о земном притяжении и вспоминал этот случай. Если бы не было его, притяжения земного, я полетел бы ввысь, а потом направился бы по своему выбору в любом направлении, и конечно, я оброс бы к зиме перьями и стал бы новой птицей, какая неизвестна была еще человеку и науке о птицах — орнитологии.

Упал я с дерева утром. Помню солнечные деревья, коноплю и рожь. А потом я почувствовал боль в правой руке, закричал и проснулся в темноте. Я лежал на постели в своем амбаре. Возле меня стояли отец с матерью и сидела бабушка Фекла, соседка наша, славившаяся костоправкой. Говорят, что если не растеряться, то и при падении можно вывернуться и приземлиться благополучно. Наверное, и я пытался опереться на руку, но вес тела и высота падения оказались чрезмерными для прочности моей руки. Я вывихнул ее в кисти. Бабка Фекла перебирала суставчики и жилочки, ставила их на свои места, а я орал.

С улицы в дверь амбара светил вечерний слабый свет. Бабка Фекла заключила мою руку в лубок, замотала тряпицами и оставила меня на выздоровление. В амбаре мы спали с братом, но в эту ночь со мной лег спать отец, а брат улегся отдельно на сеновале. Днем, когда я был в беспамятстве, я, по-видимому, выпался и всю ночь страдал от боли и не спал. В амбаре, куда уже положили первое лучшее сено для ягнят и теленка, было душно, и я просился «на двор». Отец снимал меня с постели, выводил на улицу. Деревня спала. В небе плыла ясная круглая луна. На траве лежала роса, обжигала босые горячие ноги холодом. Я выходил на дорогу в теплую дорожную пыль. Отец предупреждал:

— Далеко не ходи.

Ночная дорога казалась приветливой, мне хотелось по ней куда-нибудь пойти. Я целый день лежал, не вставая на ноги, теперь с радостью походил бы и побегал, размял бы ноги, хотя один я никуда бы не ушел, потому что нас пугали и домовыми, и водяными, и разной нечистой силой, а дед Яша придумал еще каких-то чеканашек, живших под старым дубом в колхозном саду.

— Ты скоро там? — спросил отец. — Или на всю ночь тебя оставить?

— Скоро, — буркнул я и насторожился.

Мне послышалась музыка. В Коробочке, ближней деревне, играла гармонь. Звуки ее были стройны, протяжны и трогательны. Игралась какая-то русская старинная песня. У меня защемило сердце, закололо в переносье, и я заплакал. Мне показалось, что кто-то несчастен, больной и обиженный. Но никто об этом не знает и не догадывается, только гармонь ведаёт эту человеческую беду и рассказывает о ней, но рассказа ее тоже никто не понимает — понимаю только я и плачу от бессилия помочь всем и всему.

Через дом от нас на крыше Алешиных крикнул сын. Я разом влетел в амбар, дрожа от испуга, полез на постель. Отец помог мне и спросил, укрывая попонкой:

— Чего испугался?

— Кричат у Алешиных на крыше.

— Птица, сын. Его бояться нечего.

— А они колдуны? — спросил я. — Почему у них одних сычи?

— Колдуны, откуда они тут? Они только в сказках.

— Да, а в Малахиной избе огонь горит.

— Чепуха все это. Никакого огня там никто не зажигает. Луна светит, а в окнах поблескивает, как огонь. Трусам все колдовство. Спи давай.

Отец засыпает, а я еще долго блуждаю мыслью по окрестностям своей Каменки, по перелескам, лугам и оврагам. Оказывается, я все уже обошел, все видел и знаю на своей родной земле. Но вот я переношусь на луну, на звезды — и засыпаю...

Окончание следует

Кристина Сулковска,
14 лет
Польская
Народная
Республика

ТАНЕЦ

ПОЧЕМУ?

Почему, малыш, ты всегда голоден?

Почему твой отец не может
заработать ни гроша?

Почему вы должны жить на улице?

Почему у вас нет дома?

Почему в мире все время войны?

Почему земля становится все
бесплодной и суше?

Почему нам с тобой остаются только мечты?
Почему?

Хилдегард Резингер, 15 лет,
Австрия

Стелла Мариа Гунрро, 14 лет
Аргентина

В ПУТИ

УЗНАЁМ ИВАНОВА

Рабочий Кировского завода Николай Никандрович Иванов, получив отпуск, взял да и поехал к родственникам в деревню, в Псковскую область. «Дай, — думает, — погуляю на свежем воздухе, грибов насобираю да посушу, рыбы наловлю». Но не долго гулял Николай Никандрович. Отправляясь поутру в лес, он видел, как на поля совхоза «Кудеверский» выруливают комбайны: совхоз начинал уборку хлебов.

И то ли тоска по сельской работе одолела рабочего Иванова, то ли он вспомнил, как краснопутиловцы-кировцы в тридцатые годы очень сильно помогли хлеборобам, но на другое утро он уже стоял в конторе совхоза. Директор оказался тоже Ивановым. «Ну что ж, — сказал один Иванов другому Иванову, — желание ваше хорошее, препятствовать не стану, а только помогу».

И сел Николай Никандрович за штурвал комбайна. Эх, весело ему было плыть среди океана ржи! Просто так он не умел работать, а любил с азартом, с огнем, и поэтому вызвал других комбайнеров на соревнование. 59 гектаров хлебов убрал Николай Никандрович, а когда подсчитали, оказалось, что из всех комбайнеров он вышел на первое место.

Голыми стали поля, повеяло осенью, а тут у Иванова и отпуск закончился. Вернулся он на завод, принялся за работу, а следом за ним пришло письмо от дирекции совхоза. На заводе письмо прочитали и улыбнулись: — Узнаем Иванова.

Производственное объединение
«Кировский завод», Ленинград

У рабочих литейного цеха давно была мечта вместе проводить выходной день. Да не лишь бы где, а на своей цеховой базе отдыха. Они

ЗАВОДСКИЕ

уже и место себе облюбовали — на берегу тихого Дона. Но строить базу было дорого, да и времени не хватало. Тогда литейщики раздобыли у речников старую, отслужившую свой срок баржу. Вот ее-то они и поставили на прикол у самого берега, недалеко от станции Ольгинской.

Прошло немного времени, и старая дырявая баржа превратилась в красивый корабль. На нем появилось 24 удобных каюты, кухня с холодильником и газовыми плитами. А на борту было крупно выведено: «МЕЧТА».

В пятницу после работы литейщики на своем, своими руками построенном катере мчатся на свою, своими руками сооруженную базу отдыха.

Завод «Ростсельмаш», Ростов-на-Дону

Очень важная работа у Тамары Федоровны Вороной, крайне необходимая. Продукция ее цеха — круглый год на устах учителей, учеников и родителей. Без этой продукции, можно сказать, нет ученика: если она отсутствует в портфеле, его иногда даже в школу не пускают, и правильно делают. Она — источник его гордости или стыда, радости или печали, это смотря по тому, что ученик из себя представляет. А называется она, эта продукция школьный дневник.

Еще все дети в пионерских лагерях и на дачах, а малая печатная машина уже строчит на обложке: «учени...», «класса», «школы» и чертит строки, где будут написаны имя и фамилия. Еще жара на улице и совсем ничего не задано, а машина пишет: «Что задано». Еще ни пятерок, ни двоек в помине нет, еще и учителя-то в отпуске, а машина со злорадством готовит специальные графы: «Оценка успеваемости» и «Подпись учителя». Ученик еще не думает опаздывать, а тем более пропускать уроки, а на зеленых страницах днев-

ника уже приготовлено: «Пропущено уроков», «Количество опозданий на уроки». Вот какая зловредная!

— Да нет, машина у нас не злая, — смеется Тамара Федоровна. — Просто надо все заранее предусмотреть. Для нас эти летние месяцы самые горячие, всех надо обеспечить дневниками, ведь если кому не достанется — плохо будет. Вот мы их и выпускаем 3 миллиона штук в год. Школьники самых разных городов страны пользуются нашими дневниками.

Дневник, выходя из печатной машины, имеет очень необычный, совсем не строгий и даже какой-то беспомощный вид. Это просто два больших бледно-зеленых листа бумаги, где с обеих сторон все разграфлено и напечатано, часто даже вверх ногами. На одном таком листе умещается 32 дневниковых страницы.

А вот из фальцовочной машины он уже появляется в культурном облике, более или менее приемлемом. Машина согнула лист четыре раза, и получилась тетрадошка. Две таких тетрадошки, обложка — вот вам и дневник. Но прежде над ним еще поколдует укладочно-швейно-резальный агрегат. Когда он все, что от него зависело, сделает, тогда дневник пойдет к упаковщицам, и те разложат его по пачкам. В пачке — 40 штук, как раз для целого класса.

Посмотрите на последнюю страницу обложки: если там стоит фирменный знак из двух треугольников с буквой «С» в середине, то документ ваш сделан на фабрике «Светоч», в цехе, где начальником Тамара Федоровна Воронина.

Я спросил у Тамары Федоровны:

— Ну, а сами-то вы когда-нибудь дневник имели?

— А как же! — сказала она. — И в дневной школе когда училась, и после — в вечерней.

— И, конечно, не думали, что вам придется командовать выпуском дневников для трех миллионов школьников?

— Признаться, не думала. Начинать работать на этой фабрике 30 лет назад на должности переплетчицы. Потом, когда уже училась в техникуме, стала мастером этого цеха, а с 1964 года — начальником. Еще не так давно почти всю работу делали руками, теперь вот она механизирована.

А потом выяснилось, что Тамара Федоровна не только выпускает дневники, но один из них еще и подписывает, потому что в пятом классе учится ее сын Саша.

МОРСКИЕ ВОЛКИ

Однажды на выставке «Инрыбпром» все посетители перестали рассматривать экспонаты, а стали рассматривать юных моряков, бывших на выставку. Они были в ослепительной белой форме и отличались отменной флотской выправкой. Пожалуй, никто кругом не знал, что это заводские ребята, члены детского морского клуба «Адмиралтеец».

В другой раз эти щеголи удивили своих собственных родителей, когда те приехали в их летний пионерский лагерь на станции Сиверская. Чего только детки не выделывали: и шаг печатали в походном строю, и песни пели, и грамоты получали за отличную дисциплину. А уж одеты были — с иголочки. Под конец они подвели растроганных родителей к шлюпкам, стоявшим на реке Оредеж, и сказали, что сейчас состоятся гонки семейных экипажей под девизом «Папа, мама и я — морская семья». Вот уж волнений было!

Но, конечно, не только формой и строем озабочены юные моряки. Зимой и летом без устали изучают они морское дело: историю флота, штурманские премудрости, узлы и механизмы корабельных установок, радиосвязь. А также драят настоящую палубу на настоящем заводском буксире «Адмиралтеец». Летом две флотилии на театре морских действий — реке Оредеж — развертывают нешуточные морские сражения.

А руководят всем этим капитан, старпом и инструкторы — работники разных цехов и отделов.

Производственное объединение
«Адмиралтейский завод»,
Ленинград

СПОРТСМЕНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Те, кто поступает в ленинградское производственно-техническое училище № 111, решают для себя сложную задачу «кем быть»

дважды. Вот посмотрите, над какими двумя списками им приходится ломать голову, прямо глаза разбегаются:

фрезеровщик
токарь
слесарь
радиомонтажник
контролер ОТК
штамповщик

парашютный спорт
стрельба
вольная борьба
бокс
лыжи
легкая атлетика
самбо
гребля
велоспорт
картинг

Поди-ка выбери. А выбирать надо, потому что училище это не простое, а со спортивным уклоном. По окончании каждый получает третий рабочий и третий спортивный разряд.

В заводские ворота под стук барабанов входила колонна пионеров, вернувшихся из пионерского лагеря в бухте Салют. Трубил горн, развевалось красное знамя. Казалось, завод работает как и прежде, и, кроме случайных людей на заводском дворе, никто пионеров не замечает. Но стоило колонне поравняться с корпусами, как из всех окон посыпались листовки: зеленые, желтые, красные.

Оказывается, пионеров на заводе давно ждали. Листовки летели разноцветным дождем, и ребята ловили их на лету, а сверху, из окон, им рукоплескали, кричали «ура» родители этих ребят и просто рабочие, совсем посторонние. «Дорогие ребята! — было написано в листовках. — Мы, ваши папы и мамы, все трудящиеся завода «Звезда», рады встретить вас после летнего отдыха здоровыми, загорелыми, веселыми...» И, конечно, ребята понимали в эти минуты, что они — заводские, что все самое лучшее, что пережили они в это лето — походы, карнавалы, костры — все это завод для них сделал.

Ленинградский завод «Звезда»
имени К. Е. Ворошилова

И в а н о в

РАССКАЗ

Алексей МОРГУН

Рисунок Т. Оболенской

Под машину я попал раз в жизни. Потому, должно быть, это хорошо запомнилось. Мальчишка в длинных, выше колен, мохнатых валенках, в куцем пальтишке — таким я помню себя в семь лет — задумал показать чудеса храбрости.

Ровно в шесть вечера по нашему двору проезжала грузовая машина с прицепом. Она спешила в гараж, в соседний дворик.

В семь лет я впервые производил переоценку ценностей и однажды вечером плохо о себе подумал — трус! Это произошло после того, как в темном переулке меня встретили трое взрослых мальчишек и потребовали:

— Гони деньги, а то плохо будет.

Руки мои поспешно зашарили по карманам, и я выложил грабителям 18 копеек — все, чем располагал. Когда опасность миновала, я все не мог простить себе той минутной растерянности, во рту было до противного сухо, а воображение рисовало, как бы следовало поступить. Во-первых, всех их раскидать в стороны, во-вторых, связать веревкой руки-ноги, в-третьих... Но неважно, что в-третьих, потому что в-четвертых я решил, что я трус.

Смириться с позорным званием было трудно. И тогда я решил устроить себе испытание: когда во дворе мимо небольшой крутой горки пойдет та самая машина с прицепом, — на короточках быстро съехать с горки и проскочить между передними и задними колесами прицепа.

Что-то в расчете оказалось неверным, и... через секунду я очутился под машиной. Равнодушно и неумолимо страшная сила волокла меня по двору. Я пытался крикнуть, но рот был забит твердым снегом, и крика не получилось.

За счастье жить я, наверное, должен до сих пор благодарить то куцее, но сделанное из удивительно плотной и грубой ткани пальтишко. Да еще, быть может, везение. Бывает такое везение изредка у каждого человека.

Наконец машина в последний раз фыркнула и остановилась. Из кабины вылез шофер, увидел меня и губы его задрожали. Он что-то быстро говорил, а я, не слушая, твердил одно:

— Ничего маме не говорите!

Боли я пока не чувствовал.

С желанием моим, конечно, не посчитались. Через полчаса мама везла меня в «скорой помощи» в больницу, и я, теперь уже чувствуя, как горит лицо, ломит тело, и ослабев от потери крови, тихонько стонал.

Начались больничные будни. Не знаю, как люди в возрасте, а семилетнему мальчишке в

больнице скучно, тоскливо и неудобно. Положение не могут поправить даже разные вкусные вещи, которые с избытком приносят из дома.

Мама одно время поглядывала на меня тревожно, я все не мог понять — почему? Наконец она проговорила:

— Знаешь, когда тебя привезли в больницу, один врач сказал мне: «Вы — счастливая. Ребенок побывал под колесом и жив остался. Легко отделался: сотрясение мозга да пара шрамов на лице...» А сосед наш, Коваленко, пришел к нам домой совсем поздно. «Теперь, — говорит, — ваш Борька будет или гением или идиотом. Как штык!» Да еще засмеялся. Ну разве умный человек такое скажет?

Все-таки мать спросила:

— Кем же ты станешь у меня?

— Идиотом, — ответил я. Очень мне понравилось, как звучит это слово.

Мать почему-то повеселела.

Однажды пришел человек в милицейской форме.

— Ну, рассказывай, герой, — присел он рядом. — Как все это было?

Я рассказал правду. И так мне понравилось то мамино слово, что я еще пару раз назвал себя идиотом, чем очень удивил милиционера.

— Ну ты, парень, самокритичный, — сказал он напоследок, записав мои объяснения, и ушел.

Через несколько дней в палате появился не-

знакомый посетитель. Правда, мне все казалось, что я его где-то видел.

— Иванов, — сказал он и присел на стул. — Спасибо, сынок.

— За что?

— За то, что следователю не соврал. Наговорить-то, знаешь, сколько можно было! И что ногу судорогой свело, и ты уже давно на дороге лежал, а я не заметил... И что ехал я по двору с большой скоростью... Свидетелей-то никого. Спасибо, одним словом, за правду.

Тут я понял, что он — человек, который чуть не раздавил меня своей машиной. Но человек этот мне понравился.

— Расскажите и вы, как это было, — попросил я.

Иванов поморщился.

— Зачем тебе это, а?

Потом увидел мое разочарованное лицо и сдался:

— Считаю, что повезло тебе, сынок. Будто второй раз на свет родился. А я теперь тебе вроде как крестный. Почувствовал я тогда, что машина забуксовала слегка. Хотел газ прибавить. Да словно что-то в сердце толкнулось. А прибавил бы — конец тебе. Да и мне тоже. Никогда бы себе не простил. У меня ведь у самого двое таких пацанят растет.

Иванов замолчал, молчал и я. И казалось мне, что я уже давно-давно знаком с этим человеком.

Иванов привстал.

— Я, в общем, сегодня на минутку. Гостинец принес, книжку. Не скучай, сынок. Скоро увидимся. Ну, будь!

Он пожал мою руку, сунул книгу, яблоко и ушел.

Через несколько дней пришел опять. На этот раз мы разговаривали дольше. Мне было интересно все. Иванов рассказывал о своих сыновьях-близнецах Сашке и Пашке. Оба мои ровесники, на год младше. Одного из них он называл Винтиком, а другого Шпунтиком. Как в сказке про Незнайку. Это потому, что оба ужасно любили мастерить.

— Бедовые они у меня, — рассказывал Иванов. — Один раз ракету мастерили. А вместо топлива — керосин в нее залили и стали готовить к старту. Взорвалось это дело в двух шагах от них. Пришли домой оба в копоти, но не напуганные. Веселые даже. Тут уж задал им я за эту веселость... Но толку — никакого, мастерам себе по-прежнему... Вот выпишешься из больницы, сынок, обязательно тебя с моими пацанами познакомлю. Ты их воспитывай, руководи. Когда меня нет, присмотри. Ладно? Я согласился, конечно.

— А мать их где? — спросил я. И тут же понял, что не стоило этот вопрос задавать. И Иванов ответил, что, в сущности, я уже знал:

— Умерла. Два года назад.

И мне вдруг очень захотелось к Иванову домой, познакомиться с его Винтиком и Шпун-

тиком, покомандовать ими, а вечером, уходя, оставить им по большой вкусной шоколадке... В первый раз в жизни у меня такое чувство появилось. И еще захотелось сказать что-нибудь доброе этому широкому сильному человеку, сидевшему напротив меня. Но я ничего такого придумать не мог и только сказал ему:

— Не грусти, Иванов.

Он понял и добро прищурил глаза.

Через неделю меня выписали.

— Нечего школу пропускать. Учиться надо, — нарочно строго сказал мне врач на прощание. Но я не поверил в его строгость и засмеялся. Он тоже засмеялся. И я потопал по лестнице вниз в приемную, где меня ждали мать с отцом.

Целый месяц я ходил по друзьям и рассказывал, как попал под машину. Всем было ужасно интересно, завидно, и вниманием я пользовался необыкновенным.

— Ну, как там было, под машиной-то? — спрашивали меня наперебой. — Страшно? Больно?

Вопросов было много, и я на все отвечал так: не страшно, не испугался, больно было жутко, но... терпел. Я получался героем, это нравилось, и об Иванове я как-то забыл.

Однажды в шесть я был во дворе. И по нему проезжала знакомая машина. Из кабины высунулся Иванов.

— Как дела, крестник? — спросил он.

— Хорошо.

— Не раздумал еще с моими ребятами знакомиться?

— Нет, конечно. Только когда?

— Давай завтра.

— Завтра? Не могу... Вот если бы дня через два?

— В командировку уезжаю, — огорчился Иванов.

— Да ничего, — решил я его успокоить. — Как-нибудь обязательно познакомимся.

— Что ж, ладно, — Иванов хотел уже захлопнуть дверцу, потом передумал. — Знаешь, гараж-то наш отсюда переводят. Из-за случая с тобой. Далеко отсюда, где нет ни домов, ни детей. Увидимся ли еще когда?

— Факт, увидимся, — сказал я. — Не сомневайтесь.

— Ну, будь! — Иванов дал газ, и машина тронулась.

...Месяц я не вспоминал о нем. А потом однажды услышал, как мама с папой говорили между собой — Иванов попал в больницу. Я не придавал этому особого значения. Но Иванов из больницы все-таки не выходил и не выходил. Я много раз собирался навестить его, раз сто договаривался с отцом, чтобы он меня проводил. Он соглашался, но у меня всякий раз находились дела поважнее.

А когда я еще через месяц окончательно-таки собрался к Иванову, отец начал отказываться. Я был упорен, и отцу пришлось признаться:

— Поздно, сын. Опоздал ты...

ПРАЗДНИК

Ирен Беренчи,
14 лет
Венгерская
Народная
Республика

МАГИСТРАЛЬ

Там на востоке,
где солнце встает,
Сейчас комсомолец
дорогу дает.
Болота и реки мешают ему.
Наверно бы, трудно пришлось одному.

Но все помогают к Байкалу идти,
Потом до Амура пути провести.
Всё в нашей стране для рабочих людей
Во имя великих и светлых идей.

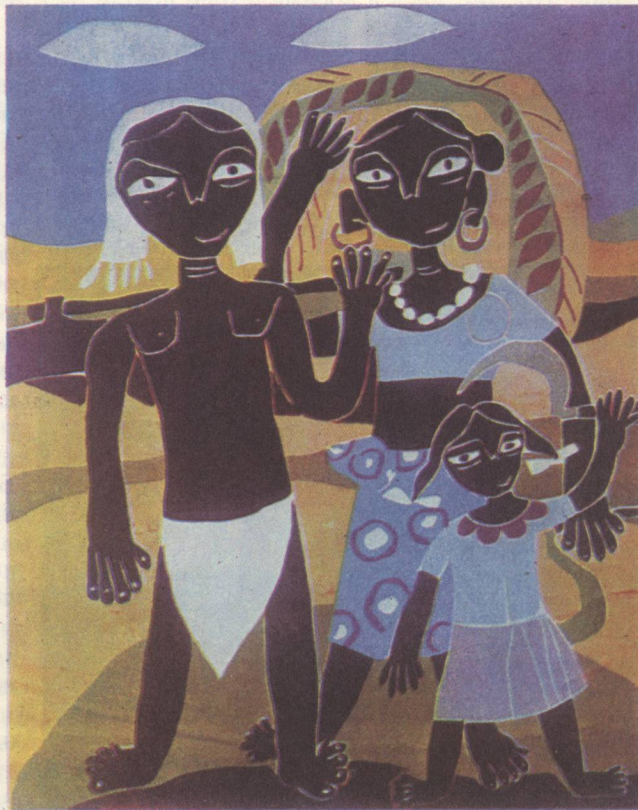
Саша Бригинец,
СССР

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Этот день красивый,
Праздничный,
счастливый.
В этот день всегда
В небе ярко светит
Красная звезда.
В небе вьются голуби,
Радостно, светло.
А после демонстрации
Мы идем в кино.

Алена Жучкова, 8 лет,
СССР

**Нирмала Кумари
Эканааке,**
11 лет
Шри Ланна

СЕМЬЯ В ПОЛЕ

НА ВСТРЕЧУ
КЪ В СЕМИРНОМУ
ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ
И СТУДЕНТОВ

О НОРИКЕ, ТРОЯНЕ И ДРУГИХ ДРУЖНЫХ РЕБЯТАХ

Румынские пионеры — делегаты Международного детского фестиваля
„Пусть всегда будет солнце!“

Сейчас у румынских пионеров каникулы в самом разгаре. Ребята участвуют в экспедициях, собирают лекарственные травы, ягоды, помогают взрослым в поле и на огороде...

Вырученные средства переводят в Фонд Всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе. Почему они это делают? Своим вкладом хотят крепить мир и дружбу. Румынские пионеры посвящают фестивалю художественные конкурсы, спортивные праздники, устраивают встречи с делегатами прежних Всемирных встреч молодежи.

С делегацией учителей и пионерских вожатых я побывал в Социалистической Республике Румынии. О моих встречах с румынскими пионерами я и написал в этом очерке.

Моя первая встреча состоялась в восьмилетней школе № 2 города Алба Юлия. Ребята окружили меня и наперебой рассказывали о том, как переписываются с пионерами из СССР, как собирают металлолом и макулатуру, как готовятся к фестивалю на Кубе.

Мне хотелось, чтобы ребята

побольше говорили о том, как учатся. И они словно ждали этого вопроса. Михаэла, председатель совета дружины, сказала:

— Все пионеры у нас успевают, потому что знают, что у них нет права плохо учиться.

— А посредственно учиться есть право?

— Нет, конечно, тоже нет. Но таких, кто еще учится посредственно, называть не хочется. Все-таки отличников больше, — радостно закончила девочка.

— А можете отвести меня в отряд, где все только на «отлично» учатся и где все ведут общественную работу? — не унимался я.

Все ребята дружно закричали: «Пойдемте в четвертый класс!»

Прямо во время урока пришли мы к четвероклассникам. Большой класс — сорок учеников.

— Вот они — все отличники, — с гордостью представила пионеров Михаэла.

Учительница предложила:

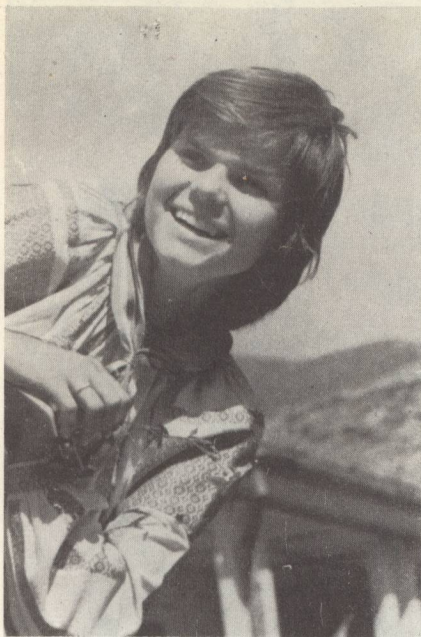
— Посмотрите классный журнал.

Стал я листать журнал — одни девятки и десятки. А ведь это самые высокие оценки, все равно что наши пятёрки и четвёрки.

Пионеры пришли в заводской цех... пока только на экскурсию

**Марина Бижу активно участвует
в художественной самодеятельности**

— Очень трудолюбивые ребята, — подтвердила учительница. — А все потому, что самые дружные в школе.

— Так, Троян?

С первой парты смущенно поднялся скуластый мальчик...

— Душа отряда Троян Концану, — опять заговорила учительница. — Добрый человек, выдумщик...

Одноклассники не давали Трояну возразить ни слова. Я узнал, что Троян способен все дела отложить, если надо кому-то помочь. Ну а если кто заболел — весь отряд приведет навестить товарища. А сколько разных экскурсий придумал! С тех пор как Троян стал председателем совета отряда, ребята полюбили бывать на заводах, знакомиться с рабочими, слушать их рассказы. Однажды был такой случай — директор хлебозавода сказал: «Некогда мне с мелюзгой возиться...»

— Мы — не мелюзга, мы — будущие рабочие, — серьезно возразил ему Троян.

Экскурсия состоялась.

Ребятам особенно приятно вспоминать этот случай. Гордятся они настойчивостью Трояна. Настоящий пионерский командир.

В школе на самом видном месте висит карта мира. Возле нее всегда ребята. Норика —

моя новая знакомая — показывает точку на карте — село Петрешт, где находится школа. От этой точки во все стороны идут красные линии. Больше всего линий идет на восток, к городам Советского Союза. Рядом с картой — витрина, где выставлены полученные от друзей письма. Подойди и прочитай. Норика берет самое свежее письмо.

— От Ларисы из Усть-Каме-ногорска. Подружились с ней в Артеке, на Международном детском фестивале. — Норика показала мне значок артековского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!»

Замечательные традиции в этой дружине. Круглый год пионеры собирают металлолом и макулатуру, летом — шиповник, лекарственные травы, а в дни занятий работают на пионерской фабрике канцелярских принадлежностей. Продукция фабрики — записные книжки и блокноты.

Старательно работают пио-

неры. Одни склеивают страницы, другие готовят коленкор-овые обложки, третьи приклеивают обложки к страничкам... Каждый чувствует, что качество работы зависит от них самих.

Пионерская фабрика посылает готовые товары в магазин. Норика и сама не раз покупала блокноты — красивые, аккуратные. Ей радостно думать, что кто-то из друзей трудился над ними. А вот над этим, может, и она сама...

В уездном пионерском совете Норика отвечает за трудовое воспитание в тех четырех пионерских дружинах, что ближе к ее селу. Но как бы ни было близко, чаще одного раза в месяц побывать там не удастся: много дел у себя в школе. Ведь Норика — председатель совета пионерской дружины. Восемиклассница Норика убеждена, что учиться надо только на отлично, иначе какой же из тебя активист?

В. КОЛОГРИВ

Авиамоделисты за работой

Случилось это в Атлантике. Рыболовный траулер, дрожа всем корпусом от напряжения, тянул за собой трал. Петр Канин, молодой тралмастер, стоял на корме около ваеров, стальных километровых тросов, смотрел, хорошо ли трал идет.

Вдруг ему послышался всплеск за бортом судна. И сразу за ним второй. «Что такое?» — подумал Канин.

Он подошел к борту.

— Морские львы!

Их было несколько. Самый большой высовывал голову из воды и оглядывался. Другой, поменьше, часто нырял, а три совсем маленьких кусали и топили друг друга.

Из глубины уже всплыл трал — огромная длинная сетка, туго набитая рыбой. Его медленно подтягивали к корме.

Львы почему-то забеспокоились, заметались и вдруг, словно по команде, кинулись к тралу и вскарабкались на него.

— Что это они, — удивился Петр, — никак прокатиться решили?

Трал начали затягивать на палубу, но львы только покрепче уперлись лапами. На палубе неожиданные гости прыгнули и, сгрудившись в кучку, беспокойно поворачивая головы, стали осматриваться.

Тралмастер, держа в руке жирную камбалу, осторожно подошел к зверям. Но самый большой лев вдруг поднялся на лапах, вытянул шею, грозно рявкнул и с оскаленными зубами сделал бросок в сторону человека.

Пробовали подойти и другие. Лев не подпускал никого.

— Что, если налить им ванну? — спросил тралмастер.

Включили насос, забортной водой быстро наполнили стальную ванну, в которую обычно сливают до разделки пойманную рыбу. Услышав шум воды, вожак подполз к ванне и нырнул. Остальные кинулись следом.

Траулер дал полный ход и пошел в другой квадрат океана, где был обнаружен новый косяк.

Полчаса прошло незаметно. Лев вылез на палубу. Выгибая спину, переваливаясь с задних лап на передние, он добрался до кормы, поднял голову повыше и стал смотреть на тянущуюся за кормой дорожку, на покатые волны, пригретые скупым океанским солнцем, ловя носом чуть заметный ветерок.

Пришла пора снова ставить трал. Но лев прочно сидел на нем. Рыбаки вооружились

скребками, которыми убирают рыбу в трюм, и стали осторожно подходить к гостю. Лев бросился на ближнего моряка, сбил его с ног. Остальные побросали скребки и разбежались.

— Может, из брандспойта его окатить? — предложил один матрос.

Из плотницкой вышел боцман. Бухая сапожищами, он неторопливо подошел к зверю. Сейчас они оба находились у самого слипа. За спиной боцмана пенил воду огромный винт и гуляли океанские волны.

— В чем дело? — строго спросил боцман. У него был низкий глухой голос, и лев должен был почувствовать, что с ним шутки плохи.

Минуту они стояли друг против друга. Затем лев отвел взгляд и призывно рыкнул. Вся семья тотчас выбралась из бассейна и собралась у слипа. Вожак лег на живот и скользнул вниз. За ним посыпались остальные.

Пришел сменившийся с вахты штурман.

— Ну, где тут зоопарк? — спросил он. — Сбежал? Эх, а я хотел посмотреть.

— Не успели, — ответил ему Петр. — А ведь они у нас долго в бассейне плавали. И с чего это они трал оседлали, на палубу забрались...

— Голодные, значит, были, — проворчал боцман.

— Да нет, сытые, Я им камбалу принес, не ели... То уходить не хотели, то сами ушли...

— А я, пожалуй, знаю, — задумчиво сказал штурман. — Перед подъемом трала я акулу видел. Смотрю — мелькнул плавник. Взял бинокль, точно — синяя акула. Долго у носа вертелась и вот только ушла.

— Неужели львы у нас от акулы спасались? — Тралмастер повернулся к слипу и пострел на воду.

Львы уже отстали от траулера и потерялись в волнах.

РУССКИЙ ЛЕС

Словно стойкие солдаты на посту,
Сосны стройные стремятся в высоту.
Целый день в лесу зеленом тишина.
Но прислушайся!..
Обманчива она:
Шорох трав, прозрачный звон ручья...
Верит лес, что мы ему друзья.
Если добрым другом в лес войдешь,
То малинки сладкой наберешь,
Если осторожен будешь ты,
То увидишь, распускаются цветы!
Много знаю я красивых мест,
Но милей всего мне русский лес.
Лес, в котором сосны на посту
Стерегут лесную красоту.

Эля Куклина

СССР

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 22-й

НАДЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

На занятиях в парусном кружке

В давние времена к этому самому месту на берегу Двины причаливали старинные парусники. Они возвращались из студеных морей, из опасных плаваний. Дубовые борты были побиты льдами, в парусах — дыры от пиратских мушкетных пуль...

Смелые люди — поморы — ходили на этих кораблях. Привозили заморские товары. Сгружали в склады Архангельского Гостиного двора...

Нынче Архангельск сильно застроили новыми домами, но крепость Гостинодворская, с тяжелыми воротами, стоит и по сей день.

Чуть правее Гостиного двора — нарядный светлый дом. У двери — табличка: «Архангельское детское морское пароходство».

Открылось оно не так давно, но у ребят, потомков тех самых смелых моряков-поморов, что не боялись ни льдов, ни пиратов, есть свой корабль — морской теплоход «Аджигол».

В детском пароходстве много кружков: парусный, судомеханический, аквалангистов, метеорологов, радиостов...

ВАШИ ВОПРОСЫ — НАШИ ОТВЕТЫ

— Почему говорят, что корабль можно построить из камня? Неужели есть каменные корабли!

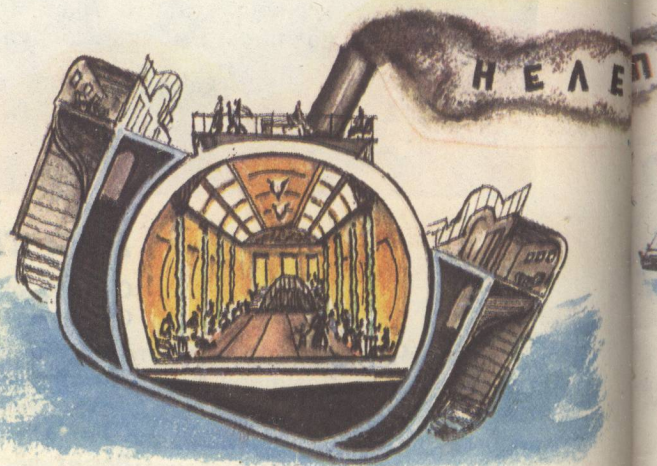
— Действительно, есть... И можно сказать — из камня. Но точнее — из бетона. А еще точнее — из железобетона. А еще есть пластмассовые, из стекла, из стекловолокна, из стеклотонна...

— Почему у некоторых кораблей нос не острый!

— Потому что так удобнее... Не острые носы у десантного корабля, у кабельного судна (для прокладки телефонных и прочих подводных кабелей).

— Бывают ли светящиеся акулы!

— Бывают. Это очень маленькие акулы, и живут они на большой глубине.

СЕРДИТЫЙ КИТ

*Если кит сердит,
В нем вода кипит,
Сильным бьет фонтаном
Над синим океаном!*

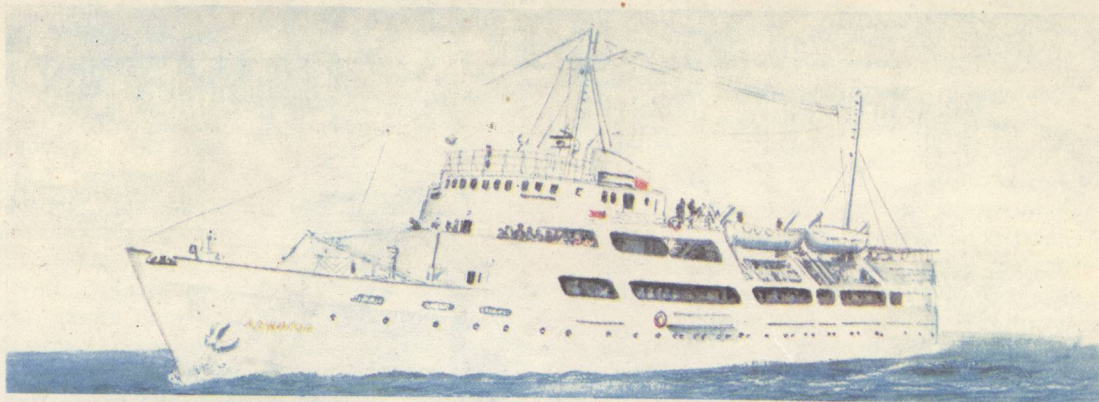
В. ЛАНЦЕТТИ

ФОНТАНЫ КИТОВ

Очень непохожие у разных китов фонтаны. Знающий человек по фонтану определит точно, не спутает горбача с кашалотом... А чтобы и вы не путали, посмотрите на наши рисунки и запомните:

„Аджигол“
в Белом
море

Зашел я к судомоделистам, спрашиваю: «Не расскажете ли о самом лучшем мальчишке? Чтобы было видно, что получится из него настоящий моряк...»

Владимир Михайлович Кутузов, руководитель кружка, подумал и говорит: «Даже и не знаю... Все мальчишки у нас — самые лучшие. Из всех должны получиться настоящие моряки...»

«А вот эта, — говорю, — красивая модель — кто ее сделал?»

«Эту? Саша Волгин из тридцать третьей школы... Парень действительно хороший. В школе — пионерский активист. В пионерском лагере у младших — вожатый. И моряк что надо: летом на яхтах в походы ходит...»

— Вот о нем и расскажите! Сейчас он здесь?

— Нет. Третий месяц как не ходит...

— Бросил кружок? — спрашиваю. — Тогда это не то, что мне нужно...

— Как сказать... Дело в том, что в подшефном четвертом классе у Саши есть девочка, Даша Шулепова. Так вот, случайно на улице ее сбила автомашина. Перелом ноги, ушиб головы... Печальная, словом, история. Сейчас-то уже ничего, нога только в гипсе... А Саша решил: пусть Шулепова от класса не отстает. И начал с ней заниматься по всем предметам. Третий месяц и занимается... Все забросил — и спорт, и судомодельный кружок. Но я не в обиде на него. И думаю, что из Саши и моряк получится, и вырастет надежный человек...

Олег ОРЛОВ

Аквалангисты

Мы уж так привыкли, что морские суда — создания совершенные. Так оно и есть! И совершенны, и надежны. В них порой — тысячелетний опыт кораблестроителей! Но эти же опыты, бывало, заходили в такие тупики, что в наши дни кажется: нелегее корабля и придумать-то было нельзя...

Об этих кораблях мы вам и расскажем...

1. «ВАНЬКА-ВСТАНЬКА»

Сэр Генри Бессемер вошел в историю техники как изобретатель особой бессемеровской стали. Но помнят о

нем и моряки... Потому что Бессемер изобрел пароход, в котором пассажиры могли не бояться качки!

Салон-каюту закрепили посреди парохода в качающейся раме. Пароход креноло влево-вправо, а каюту — нет. Она, как ванька-встанька, выпрямлялась. От килевой качки должна была спасать большая длина корпуса... Пароход назвали «Бессемер».

Недолго плавал этот корабль. Из-за большой длины он был почти неуправляем и попадал в аварии. А сложная конструкция каюты-салона была очень дорогá, так что билет стоил много денег. Пассажиры перестали плавать на «Бессемере», и пароход вскоре пустили на слом...

1. Двойной фонтан гладкого кита
2. Фонтан кашалота
3. Фонтан сейвала
4. Финвал пустил фонтан
5. Фонтан голубого кита
6. Это фонтан горбача
7. А это — серого кита

СКАЗКА

У одного крестьянина была лошадь, такая красивая, что глаз не оторвать. Однако у этой лошади был порок: когда ночью ложилась отдыхать, то уже больше не могла встать. С полуночи до рассвета, зажегши свет, мучался хозяин с ней, растирал ей спину; ребра, толкал ее, поднимал на ноги. На другую ночь повторялось то же самое. Человек, устав ежедневно с полуночи до рассвета зажигать свет и мучаться с лошастью, повел ее продавать и прибег к хитрости. Взял он саз, притворился ашугом, стал расхваливать лошадь:

*Продаю я лошадь, особенную лошадь,
Хочешь, сядь верхом на нее
или запряги,
Кто купит у меня мою лошадь,
Тот потушит мой свет,
Зажжет свой свет...*

Привлеченный необыкновенной красотой лошади и поверив похвале ашуга, один неопытный юноша спрашивает его:

— Братец, если твоя лошадь так хороша, зачем же ты ее продаешь?

— Я получил ее в подарок в одном селе, сам я не хожу на покос, в фургон ее не запрягаю, на что же мне лошадь? — ответил хозяин лошади и снова запел:

*На что мне отборный конь,
Если я не хожу на покос?
Я песней привлекаю сердца.
Кто купит у меня лошадь,
Потушит мой свет,
Зажжет свой свет...*

— Ну, раз она такая хорошая, я покупаю, — говорит юноша, не расспрашивая о норове лошади.

— Ты потушил мой свет и зажег свой, — говорит хозяин лошади.

Парень взял лошадь и, радостный, привел домой, поставил ее в конюшню и пошел по своим делам. В полночь он пришел задать лошади корм, зажег свет, видит — лошадь лежит на боку и не встает. Долго он мучался с ней, пока поднял на ноги.

«Ничего, она прошла долгий путь, устала, потому и не может встать», — подумал парень. На следующую ночь приходит он и видит — лошадь опять лежит на боку. Зажег парень свет, до рассвета промучался весь в поту, поднимая на ноги лошадь, и только теперь понял, почему хозяин лошади сказал: «Ты потушил мой свет и зажег свой...» Но что он мог теперь поделать?

Рисунок Б. Семенова

Многоуважаемые члены клуба!

Как всегда в адрес КООТа пришло немало ваших писем. И поток их не уменьшается, а наоборот возрастает. Растут ряды членов нашего клуба, растет их активность! Как мы смогли убедиться, многие из вас любят и умеют как расшифровывать, так и составлять шифрограммы, заниматься различными головоломками, но все еще мало таких писем, в которых рассказывалось бы о тех обыкновенных открытиях, которые сделаны лично вами. Никогда не стесняйтесь удивляться, восхищение доступно далеко не всем — развивайте в себе это качество. Как? А очень просто. Увидьте хоть раз, как преломляются в капле утренней росы солнечные лучи. Понаблюдайте за пауком в тот момент, когда он создает свою паутину. Почувствуйте, как по-разному пахнет воздух перед грозой, во время грозы и после. Да мало ли что можно увидеть, узнать, почувствовать в чудесную летнюю пору...

Это заседание мы посвятим разбору писем — ответов на задачи Гали Жидковой и Марата Галицкого, помещенные в первом номере журнала за этот год.

«Мне очень понравилась задача Гали Жидковой, — пишет пятиклассник **Дима Бинюков** из Новосибирска. — Решив ее, я понял, что таким образом легко запомнить последний столбец таблицы умножения не только первокласснику, но даже моей сестре Кате, которой только шесть лет». Правильно решили эту задачу почти все участники январского заседания. Поэтому приводим только один ответ. Вот что пишет пятиклассница **Таня Тархова** из поселка Панычево Томской области:

«Человек, который не умел умножать, но тем не менее написал правильные ответы в последнем столбце таблицы умножения, сделал так: сначала он сверху вниз в столбец таблицы написал цифры от «0» до «9», а затем в том же порядке он написал цифры

снизу вверх во втором столбце».

А вот задача Марата Галицкого оказалась доступной далеко не всем членам КООТа. «Если просверлить дыру в Земном шаре от Северного полюса до Южного и бросить в эту дыру камень с Северного полюса, — рассуждает **Вова Подрезов** из Новой Толковки Пензенской области, — то камень вернется обратно на Северный полюс, потому что земля крутится». Вова Подрезов учится всего-навсего в третьем классе, физики он еще не изучал, поэтому не будем строги к его рассуждениям. А вот одна пятиклассница из Ставропольского края все объяснила очень просто: «Если бросить камень на Северном полюсе, то на Южном его не поймают, потому что он будет большого размера». Ученик 4 «в» класса Волгограда **Ляценок Павел** откровенно признается: «Физики я не знаю». Ничего поэтому удивительного нет в том, что ему кажется, что камень, брошенный в отверстие на Северном полюсе, непременно поймают на Южном.

Противоположной точки зрения придерживается **Валера Слепнев** из Павлодара. «Камень, брошенный в дыру с Северного полюса, на Южном полюсе не поймают, так как камень, долетев до ядра Земли, дальше не полетит», — пишет он. Точку зрения Валерия разделяют семиклассник **Вася Болтенков** из того же города Павлодара, **Света Волошина** из Кокчетавской области, **Ольга Груздева** из Томска, **Сереза Тихонов** из Сарпула и еще не один десяток ребят из других городов и поселков страны.

К сожалению, ребята, ваш ответ нельзя считать правильным. Поэтому предоставим слово семикласснику из поселка Чаадаевка Ульяновской области **Николаю Авдонову**. «Прорывая такой колодец, мы столкнемся с очень трудной задачей, — пишет Николай, — во-первых, магма, во-вторых, ядро. Магма под таким огромным давлением должна вылиться на поверхность, как при извержении вулкана. Но допустим, мы преодолели эту задачу и пробрили колодец и бросили в него камень. Постепенно камень наберет первую космическую скорость (до 8 км/сек.), но, пройдя через центр земли, камень снова будет испытывать силу притяжения, и в момент достижения Южного полюса скорость его снизится до нуля. Но камень не будет стоять на месте, а сразу же полетит обратно. Через некоторое время, совершив ряд колебаний, словно маятник, камень вследствие сопротивления воздуха вынужден будет остановиться в центре Земли».

Так же ответили на задачу Марата и **Чингиз Салманов** из города Сумгаита, и пятиклассник **Андрей Кудряшов** из г. Балаково Саратовской области, и **Олег Кудинов** со станции Заринская Алтайского края, и еще многие ребята.

И все-таки наиболее обстоятельные и строгие ответы на эту задачу прислали нам **Костя Жабинский** из г. Жданова и ученица 6 «в» класса 771-й московской школы **Люда Туева**.

А теперь вниманию членов КООТа предлагается три вопроса, которые прислала семиклассница **Света Волкова** из поселка Иня Хабаровского края:

1. Почему солнце на закате красное?
2. Почему скрипит под ногами снег?
3. Почему зимой не бывает гроз и молний!

ПОЧЕМУ!!!

Заседание клуба вел кандидат физико-математических наук Геннадий ЧЕРКАШИН

ПОИСК* **ЗЕЛЁНЫХ*** **СТРАНИЦ**

*Итабу операции
"Чудо-дерево"
от отряда пионеров
Мутно-Материкской
средней школы*

Репорт

Начали детальное изучение флоры нашей местности. Каждый день наш отряд работает на опытном участке. Наш участок расположен за школой. Размер его — 25 кв. м.

В ходе операции мы спланировали изучение особенности биологии акаций, тополя и боярышника. Для нашей местности эти растения не характерны, но мы хотим вырастить их и акклиматизировать.

*Село Мутный Материк,
Коми АССР*

СООБЩЕНИЕ

Рассказ о работе наших садоводов, напечатанный в «Костре» № 9, ребята читали во всех кружках нашей юннатской станции.

Наши ребята мечтают вырастить облепиху.

Руководитель отряда — методист станции юннатов Тамара Ивановна Котельникова.

*Юннаты
пензенской юннатной станции*

**РЕКОМЕНДОВАНО
К РАССЕЛЕНИЮ...**

Бук растет в нашей стране только в юго-западных рай-

онах: в Молдавии, в Крыму, в Закарпатье и на Кавказе. Встречается бук и на юге Белоруссии.

В благоприятных условиях бук вырастает до высоты 50 метров.

У бука пепельно-серого цвета кора и листья эллиптической формы.

**Оформление
Т. Капустиной**

Листья заострены у основания и вершины. Край листа совершенно гладкий, без зубринок. Древесина бука очень прочная и декоративная. Из нее делают мебель, паркет для пола, музыкальные инструменты. Буковые дрова — прекрасное топливо, они дают много тепла...

По всей нашей стране можно пытаться акклиматизировать бук. Бук может расти даже в таких северных районах, как Ленинградская область. Правда, здесь он порой страдает от морозов и имеет, как правило, кустарниковую форму. В засушливых районах бук следует сажать в затененных местах и в понижениях, где повлажнее. В местах с холодными зимами надо выбирать участки, защищенные от холодных ветров.

ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ АККЛИМАТИЗИРОВАТЬ БУК И НЕ ИМЕЕТ СЕМЯН И САЖЕНЦЕВ, ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ В НАШ ОБМЕННО-СЕМЕННОЙ ПУНКТ!

Желудь дуба черешчатого

Желудь бука лесного европейского

Желудь бука восточного

Семена бука — желуди. Со всем как у дуба. От желудей дуба они отличаются формой и размерами. Желуди разных видов бука тоже отличаются друг от друга.

Желуди бука созревают в сентябре — октябре. При хранении они довольно быстро теряют всхожесть, поэтому, собрав, их надо посеять еще до наступления морозов. Будущей осенью у нас с вами будет мало времени на организацию сбора и пересылки семян. Поэтому заявки на семена бука просим высылать уже сейчас.

Всех ребят, живущих в лесах, где есть буковые леса, и желающих принять участие в сборе семян бука для нашего обменного фонда, просим срочно сообщить о своей готовности.

КОНСУЛЬТИРУЮТ УЧЕННЫЕ

Дорогие
«Зеленые страницы»!

Мы живем в знаменитой Кулундинской степи. У нас растут дубки, которые были посажены желудями еще в 1951 году. Сейчас они уже большие. Еще у нас в селе растет лиственница, небольшая рощица. Раньше она была очень густая, красивая, а сейчас стала редеть, и много деревьев погибло. Может, потому, что у нас засушливое лето вот уже который год? Очень бы хотелось уберечь зеленого друга. Как быть? А еще в 1975 году пионеры нашей школы высадили в парке аллею пихт. Принялась только одна пихта, хотя мы очень бережно ухаживали за деревьями...

*С уважением
пионеры отряда им. Куриленко
6-й класс Селекционной школы,
Славгород*

Дорогие ребята!

И все-таки очень хорошо, что вы дерзаете. Что вы пытаетесь вырастить такие необычные для степи растения, как лиственница, пихта, дуб. И дубки живут у вас уже более двадцати пяти лет! Если они нормально развиваются, плодоносят и не подмерзают зимой, значит, дуб акклиматизировался в вашем краю. А ведь всем известно, как жестоки сибирские морозы и как засушливо лето в Кулундинской степи!

Жаль, что вы мало пишете о лиственницах. Когда они были посажены? Лиственничная роща в степи — тоже очень интересный факт... Вам надо иметь в виду, что у лиственницы — поверхностная корневая система, и, кроме того, это дерево светолюбиво. Густая лиственничная роща обязательно должна поредеть, когда деревья подрастут. Имея такую

корневую систему, лиственница может использовать влагу только из поверхностных слоев почвы. А в засушливое лето этот слой почвы пересыхает особенно сильно. И чем более редкой становится лиственничная роща, тем сильнее пересыхает почва под кронами деревьев. Значит, надо придумать какие-то приспособления для удержания влаги. Весной, к примеру, можно посеять в роще траву.

Пихту в ваших условиях вырастить трудно. Молодые деревца надо сажать тесно, тогда они будут защищать друг друга от палящих лучей солнца летом и от морозов зимой. А лучше всего пристроить молодые пихты под пологом других деревьев.

Помните еще одну особенность вашего края: засоленные почвы, которые встречаются довольно часто. Может быть, именно в такие почвы вы и посадили пихты...

О. А. СВЯЗЕВА,
кандидат биологических наук,
старший сотрудник
Ботанического сада
Академии наук СССР

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

ПРОСИМ ПРИСЛАТЬ:

семена акаций, кедра; черенки тополя, боярышника.

Наш адрес: 169729, Коми АССР, Усинский район, село Мутный Материк, школа, учителю биологии Габовой З. Т.

МОЖЕМ ВЫСЛАТЬ:

Семена деревьев, растущих:

1) в лесу — березы, липы, сосны, лиственницы, клена, осины, рябины, дуба, ивы; 2) в саду — яблони, груши, вишни, сливы.

Семена кустарников: 1) дикорастущих — сирени, черемухи, можжевельника, орешника; 2) садовых — крыжовника, смородины (красной и черной), малины.

Наш адрес: 249664, Калужская область, Барятинский район, п/о Мосур, отряд опытников «Родник», Андрею Севалкину.

ПОЛУВЕРОЯТНЫЕ ИСТОРИИ...

«Сергей Кладезев родился на Васильевском острове. То был странный ребенок. Когда другие дети возились в песке, делая пирожки и домики, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. Во втором классе школы он сконструировал портативный прибор с питанием от батарейки ручного фонаря. Этот прибор мог предсказывать любому ученику, сколько двоек он получит на неделе».

Неизвестно, к каким результатам могло бы привести подобное изобретение — возможно, все ученики этого класса, испугавшись зловещих прогнозов, стали бы отличниками... Зато известно, что взрослые всегда чего-то боятся и часто не вовремя вмешиваются в ребячьи дела. «Прибор был признан непедагогичным, и взрослые отобрали его у ребенка».

Однако все великие изобретатели во все времена преодолевали множество препятствий на своем творческом пути. А Сергей Кладезев — герой повести Вадима Шефнера «Скромный гений» — изобретатель. Он изобрел, например, коньки, на которых можно кататься по воде, сконструировал приставку к фотоаппарату, с помощью которой можно фотографировать будущее.

В детстве Сергею мешали взрослые, когда же он сам стал взрослым — ему стала мешать жена. Она «все время ругала его за то, что он загромождает комнату своими приборами и инструментами». Но изобретатель он потому и изобретатель, что всегда находит выход из трудных ситуаций. И Сергей нашел его, этот выход. «Чтобы разгрузить комнату, Сергей сконструировал АПМЕД — небольшой Антигравитационный Прибор Местного Действия. Теперь благодаря АПМЕДУ он мог работать на потолке. Он настлал на потолок паркет, поставил там свой рабочий стол, перетащил туда все инструменты. ...Теперь низ комнаты

принадлежал жене, а верх стал рабочим кабинетом и лабораторией Сергея».

Тот, кто любит фантастическую литературу, не ошибется, если, не дочитав эту страничку журнала, побежит в библиотеку за книгой Вадима Шефнера «Круглая тайна», которая издана в издательстве «Детская литература» в 1977 году. Тем более что вторая повесть, включенная в книгу, — «Девушка у обрыва» — рассказывает о великом ученом XXII века Андрее Светочеве и его феноменальном открытии: он создал АКВАЛИД — единый универсальный материал из единого исходного сырья — воды! Это событие, уверяет автор, стало началом новой технической эры. На страницах повести любители фантастики встретятся со множеством чудесных автоматов, которые украшают долговременную жизнь людей XXII столетия.

Фантастические выдумки писателя щедро окрашены улыбкой: В. Шефнер словно иронизирует по поводу явлений, созданных его же воображением. Действительно, фантастика эта не вполне научна. Вряд ли писателя волновало реальное научное обоснование факта, когда он сочинял эпизод о таежной жизни в съедобном домике-контейнере или когда описывал вот такую поездку:

«Когда впереди, за несколькими машинами, намечался просвет, наш элмодиль выпускал подкрылки и перелетал через идущие впереди машины, занимая свободное место».

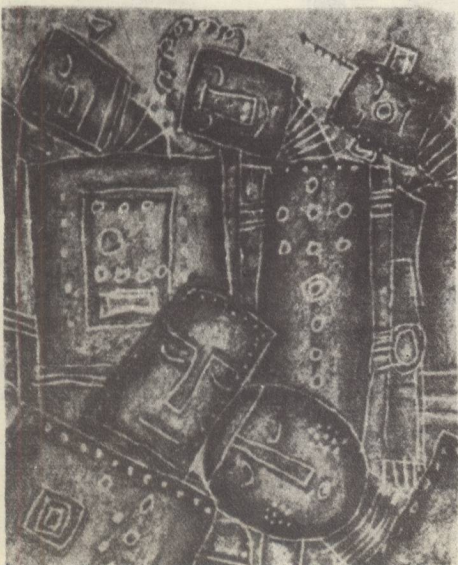
Сам В. Шефнер назвал свои сочинения «полувероятными историями». Зато он всерьез озабочен другими проблемами. К чему должен стремиться человек? Какие недостатки нужно нам еще преодолеть в себе? Какими будут люди будущего?

Об этом — книга.

Писатель мечтает. Он мечтает о времени, когда люди освободятся от мелочности и расчетливости, когда доброе и бескорыстное отношение друг к другу станет нормой, когда все будет направлено к тому, чтобы сделать людей счастливыми.

Прочтите эту умную и добрую книгу.

Е. ШНИТНИКОВА

ЧЕМПИОНАТ-78

В шестом отборочном туре шахматистам предлагаются два окончания. В каком из них белые смогут выиграть? А может быть, в обоих? А может быть, ни в одном?

А. Белые: Крс6, Фе5; черные: Крf2, п.е2.

Б. Белые: Крс6, Фf5; черные: Кре2, п.f2.

Шашистам предлагаются две позиции. Какой результат (выигрыш? ничья?) ожидает белых?

А. Белые: с7, g1; черные: а5, f4.

Б. Белые: с5, f4; черные: а5, b8.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь шахматы — белые: Кре6, Фс2; черные: Кре8, Са5.

Представь, что ты играешь белыми и намерен самым быстрым способом объявить противнику мат. Это возможно сделать в два хода. Как же ты должен сейчас пойти, чтобы никакой ответ черных не помешал тебе выполнить свое намерение?

РАЗВЕДКА МШ

Всем разведчикам, участвующим в «Операции-100», сегодня предстоит отправиться в —

РЕЙД ПЯТЫЙ

А. Белые: 19, 21, 27, 30, 37, 39, 49; черные: 8, 9, 11, 18, 25, 28, 38.

Б. Белые: 23, 24, 29, 30, 38, 41, 49; черные: 9, 11, 12, 21, 36, 39.

В. Белые: 21, 34, 35, 38, 39, 46; черные: 9, 16, 19, 28, 36, 37, 41.

Задача разведки: в этих трех позициях В. Степанова (г. Абаза) найти пути к победе белых.

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Что такое «бешеная ладья»?

— «Бешеной» называется такая фигура, которая каждым ходом ставится под удар, используя то обстоятельство, что побить ее невыгодно. Пример: белая ладья в задаче Б из «Костра» № 4.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Кто хочет порешать задачи без риска потерять важные турнирные очки? Заходите в тренировочную кабину!

Ответственный за сегодняшнюю тренировку — арчебековец Коля Кузнецов из поселка Водла Карельской АССР. Он предлагает две свои задачи и утверждает, что в каждой можно дать мат в два хода. Вы согласны, рыцари?

№ 1. Белые: Крh1, Фе7, Се5; черные: Крh3, пп. f5, g4, h4.

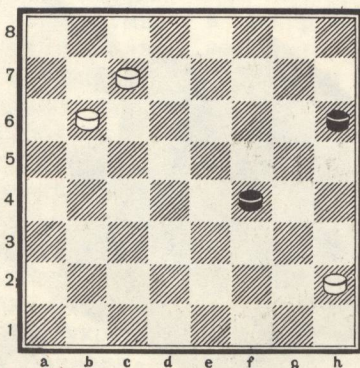
№ 2. Белые: Крг6, Фb1, Cd2, Cf3; черные: Кре5, Ca7, Kd6, пп. с4, е6, f4.

А. 1. b8 e3 2. f4! g5 3. c7 f4 4. d8! e3 5. a5 g5 6. b4 h4 7. a5 f2 8. b6X.

Б. 1. g5! 2. c3! 3. g3X.

В. 1. b6 c1 2. gf4 b2? (лучше было играть а3!) 3. с7! и 4. d8X.

ПОСМОТРИ И ЗАПОМНИ

Б. Белые: d2, f4, g1, h2; черные: а7, b2, b4, f6.

В. Белые: с5, е3, е5, g3; черные: b2, g7.

Перед тобой три позиции из сеанса одновременной игры известного кисловодского шашкиста Г. Д. Маркова. Вот как поучительно и быстро он выиграл эти партии.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Крf1 Крд2 2. Крf2 Крд1 3. Кре3. Б. 1. Лh7+Крг3 2. Ле7! Ла8 3. Ла7! и т. д. — ничья. **Шашки.** А. Проигрывает и 1... ed4 (из-за 2. b6!X) и 1... ef4 (из-за 2. d2! 3. b2! 4. b6X). Б. 1. b6! 2. b2! 3. с3X.

Оруженосцам. А — ничья (1. Кр:d5 Крb7 2. Крд6 Крс8 или 1. с8Ф Ке7+). Б — выигрыш (1. с8Ф). В — выигрыш (1. с8Л! Но не 1. с8Ф? — пат).

Операция — 100. А. 1. 29! 2. 38 3. 30X. Б. 1. 44! 2. 9! 3. 47X. В. 1. 43! 2. 23! 28 3. 20X.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§1. Всем арчебековцам — отправить рапорты до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Фөрзьберу

МЫ ЖИВЕМ В ДИВНОГОРСКЕ!

— Как доехать до художественной школы? — остановил я мальчишек в пионерских галстуках.

Дорогу знали все и говорить начали наперебой...

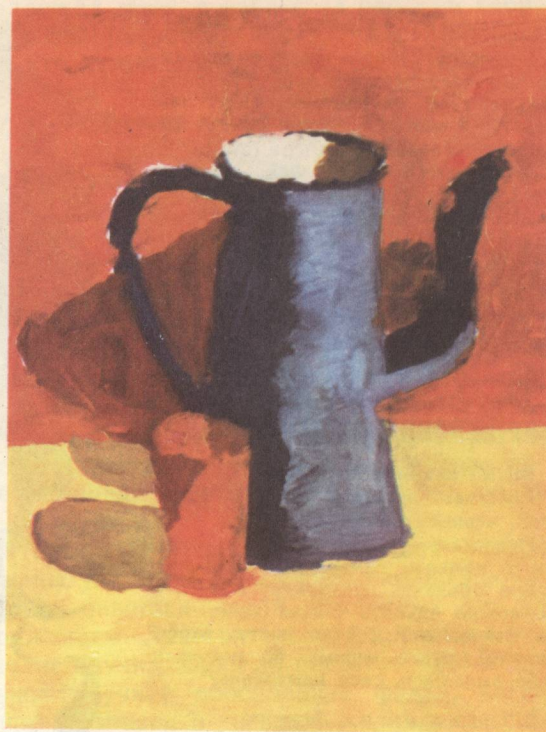
...Среди сосен стоял двухэтажный деревянный дом. На фасаде флаги и лозунг большими буквами: «Искусство принадлежит народу!». До начала занятий оставалось часа полтора. В коридорах тихо. Ни ребят, ни преподавателей.

— Скоро подойдут, — сказали мне и пригласили в выставочный зал.

В аккуратных деревянных рамках и просто под стеклом на белой бумаге — работы: пейзажи, композиции на самые различные темы. На табличке под каждой работой — фамилия и возраст автора.

Все интересовало юных художников: революционные события и покорение космоса, мир сказки и окружающая природа, портреты друзей и, конечно, родной город.

Ясна приверженность к определенным темам. А как разнообразен изобразительный язык! Гуашь или уголь. Пастель или простой карандаш. Были даже гравюры на дереве.

НАТЮРМОРТ

Витя Гринь

На одном рисунке — здание железнодорожного вокзала, у платформы стоит электропоезд, опаздывающие пассажиры спешат за билетами. И крупными красными буквами светится

УБИРАЮТ СНЕГ

Лена Потылицына

КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС

Андрей Пьянов

название станции — Дивногорск. Чувствуется, что юному автору радостно жить в этом городе, он любит его.

Имя города необычное? Многое здесь необычно. Одним краем спускается он к Енисею, другим уходит в тайгу. Кругом сопки — отроги Саянского хребта. Необыкновенные места, дивные. Поэтому и город назвали не раздумывая — Дивногорск. На центральной площади памятник — Бетонная палатка: монумент в честь первых строителей, пришедших сюда, чтобы начать сооружение самой большой в мире электростанции — Красноярской.

Все есть в городе: школы, кинотеатры, Дворец культуры, гостиница, железнодорожный вокзал и прекрасная пристань. Особое место занимает, конечно же, плотина Красноярской ГЭС. Вот она во всей красе и мощи перекинулась от одного берега к другому, укротив могучую реку. На акварели **Андрея Пьянова** — сочная, насыщенная зелень поросших лесом скал контрастирует со светлыми бурлящими потоками воды, которые низвергаются с огромной высоты.

Чувствуется, что Андрею более близок живописный подход. Его оружие — цвет, и владеет им он достаточно уверенно и убедительно.

И совсем уже другие задачи решает в своей композиции «Снег убирают» **Лена Потылицына**. И материал для этого она выбрала иной — не звонкую акварель, а гуашь, плотно покрыв белилами весь лист. Четкими силуэтами читаются и фигуры людей, и бульдозер, и стволы сосен, и рябиновый куст. Художнице веришь

во всем. Каждая деталь прочувствована и помогает раскрытию общего замысла.

А **Ирочка Целых** — график. Ее рисунок «За подснежниками» выполнен угольным карандашом и тушью и лишь подкрашен акварелью. С чувством меры и вкуса введен в композицию цвет. Ветки деревьев и кустов, сплетаясь в декоративный узор, передают настроение весеннего леса.

А потом я ходил по мастерским. Близилось время начала занятий. Приходили ребята, занимали свои места, готовили краски, кисти. Все делалось очень сосредоточенно. Предстоял привычный и удивительный процесс — процесс творчества!

Андрей ХАРШАК, художник

ЗА ПОДСНЕЖНИКАМИ

Ира Целых

ОЛИМПИЙСКАЯ ВИКТОРИНА

НА СТАРТ олимпийского конкурса-викторины вызываем юных знатоков спорта.

ВНИМАНИЕ, объявляем условия конкурса. Он будет состоять из пяти туров. Два первых тура проводятся в 1978 году, два последующих — в 1979, и последний — в январе 1980 года. Ответы на вопросы высылаются не позднее двух месяцев со дня выхода журнала. По окончании каждого тура жюри подводит итоги и награждает лучших участников. А в июне 1980 года, накануне открытия XXII Олимпийских игр в Москве, мы узнаем имена абсолютных победителей нашего конкурса — тех, кто показал наилучшие результаты во всех пяти турах. Их ждут призы и награды с автографами членов сборной олимпийской команды Советского Союза.

МАРШ! Предлагаем вопросы 1-го тура.

1. Нарисуйте и пришлите ли на этот счет какие-либо правильно раскрашенную ограничения? эмблему Олимпийских игр. Что она означает?

2. Расскажите о первом выступлении советских спортсменов на Олимпийских играх. Где и когда это было?

3. Все ли государства могут принимать участие в олимпийском движении? Существуют

4. Назовите имена знаменитых спортсменов, ставших неоднократными победителями игр.

5. Какая дорожка длиннее, та, которая была на олимпийском стадионе в Древней Греции, или беговая дорожка на современном стадионе? Что означает слово «стадион»?

6. Кто первым из спортсменов нашей страны стал олимпийским чемпионом?

7. Какие виды состязаний входили в программу спортивного пятиборья у древних греков и какие виды входят в программу олимпийского пятиборья теперь?

8. На XVI Олимпийских играх советские футболисты стали обладателями золотых медалей. С каким счетом закончились тогда их встречи с командами Индонезии, Болгарии и Югославии?

9. Под каким девизом проводятся в нашей стране Всесоюзные соревнования «Старты надежд»?

10. Нарисуйте олимпийскую эмблему Москвы.

Наш адрес:
Ленинград, 193015, Таврическая, 37.

Редакция журнала «Костер»,
ЖЮРИ ОЛИМПИЙСКОГО КОНКУРСА

СДЕЛАЙ САМ

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Искусство делать воздушные змеи известно с древности.

В странах юго-восточной Азии оно превратилось в национальный вид спорта. Устраивают даже бои воздушных змеев.

Но воздушный змей не всегда был только забавой. В старину моряки с гибнущего вблизи берега корабля доставляли с помощью воздушного змея на сушу канат (линь) и спасались по нему с корабля.

Воздушные змеи использовали в военных целях: на большом змее поднимали наблюдателя.

В наши дни в Японии делают воздушных змеев в виде кораблей-парусников. Необыкновенно красиво зрелище змея-корабля, под всеми парусами парящего в небе.

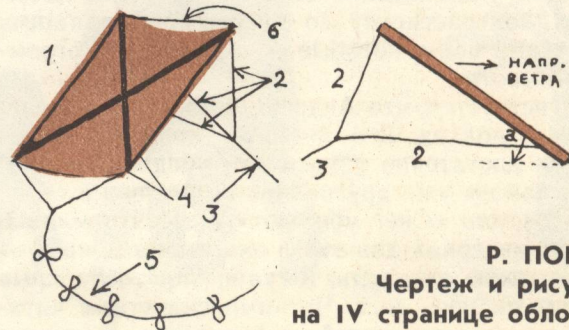
Мы предлагаем вам изготовить простейший воздушный змей.

Для дела понадобится несколько тонких планок для каркаса, клей, тонкая бумага, крепкие нитки для уздечки и леера. Леер можно сделать из капроновой лески. Для хвоста пойдет мочало или тонкая цветная бумага.

Одноплоскостной прямоугольный воздушный змей.

1. Аэродинамическая поверхность. 2. Уздечка. 3. Леер. 4. Крестообразный каркас. 5. Хвост 6. Нить, придающая поверхности изгиб. 7. АВС — угол атаки.

ПРИМЕЧАНИЕ: Угол атаки установите опытным путем, укорачивая или удлиняя уздечку.

Р. ПОПОВ
Чертеж и рисунок
на IV странице обложки
автора

АНКЕТА

На нашу анкету в декабрьском номере откликнулось много читателей. Мы узнали, что у «Костра» тысячи друзей в Ленинграде и Перми, в Донецке и Архангельске, в Баку и Рубцовске, в якутском селе Эльген и в далеком амурском поселке с удивительным названием — Ерофей Павлович...

В анкете мы просили ответить, какие повести, рассказы, очерки понравились, запомнились, в чем-то помогли разобраться. Мнения разделились: одним больше всего понравилась повесть Ю. Яковлева «Девочка, хочешь сниматься в кино!», другим — отрывки из повести Г. Черкашина «Срок ультиматума — два часа». А третьим — повесть Л. Кузьмина «Привет тебе, Митя Кукин!».

Понравились ребятам рассказы Ю. Ковалю, И. Пивоваровой, О. Орлова, Н. Федорова, Ю. Власова, В. Вартан. Запомнилась фантастическая сказка Джеймса Олдриджа «Крылатый-19» и сказки С. Воронина.

Со своими друзьями в пионерских отрядах обсуждали ребята очерки В. Верховского «Ребята из Лопухинки», Т. Пчелкиной «А я бы так смог!...», И. Фоянкова «Прикоснуться к живой истории», В. Козлова «У меня отличные ребята».

«Я увлекаюсь биологией, — написал нам Саша Привалов из Перми, — и мне очень понравились очерки В. Танасийчука». Об этом же пишут и другие ребята. А многим запомнились также очерки В. Абчука, В. Шурлыгина, В. Стругацкого, М. Буланже, Н. Устинова.

Любителям спорта понравился очерк М. Черкашиной «Самый загадочный».

Высоко оценили ребята рисунки художников — Р. Яхнина, А. Слепкова, Ю. Шабанова, С. Острова, М. Беломлинского, фотографии Ю. Колтуна и Б. Гесселя.

Из ваших писем мы узнали,

что вы с нетерпением ждете каждый номер журнала, а получив его, внимательно читаете. Только каждый начинает читать с тех страниц, которые он любит больше всего.

Почти половина ребят читает сначала журнал юнкоров «Барабан!» «Ведь в нем все написано самими ребятами, и стихи, и заметки, и рисунки, — пишет Таня Светлова из Краснодара. — Читая его, я как бы разговариваю с ребятами из разных городов».

Большинство мальчиков и даже некоторые девочки прежде всего открывают «Морскую газету». А Петя Семенов из Армавира признается нам, что пока не делает самоделку, напечатанную в номере, он не может его читать.

Очень многим ребятам, которые увлекаются ботаникой и зоологией, нравятся «Зеленые страницы» и «Поиск «Зеленых страниц»». Любят читатели отвечать на шифрограммы и задачи КООТа, кроссворды и загадки клуба «ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ». А вот любители шахмат и шашек, получив журнал, прежде всего начинают сражения Армии черных и белых клеток.

Почти в каждом письме есть пожелания. Таня Калинина из города Владимира хочет, чтобы больше печаталось материалов о школе, о делах пио-

нерских отрядов и дружин, — она и сама уже подобрала и предлагает нам материалы о своем отряде. А Володя Голотин из Россоши предлагает открыть в журнале спортивный клуб. Оля и Сережа Кочергины просят, чтобы в журнале было больше веселых и смешных страниц, комиксов. Аня Маленкова из Иркутска ждет страничку для вожатых, а Люда Балахонцева из Кашканара — раздел «Кем ты хочешь быть?». Ребята высказали и другие просьбы и пожелания — провести конкурс на лучшего юного полководца, рассказать о детских писателях и художниках, открыть, кроме «Морской», «Воздушную газету», печатать больше фантастики и приключений.

Многие из ваших пожеланий и предложений мы сумели выполнить. В каждом номере, по вашей просьбе, мы сообщаем о том, как готовятся в разных странах к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Рубрика «Они рисуют и пишут для вас» посвящена детским писателям и художникам. Скоро на страницах журнала откроется спортивный клуб «Кузнечик», а вот о чем он будет, это пока секрет. Постараемся учесть и другие ваши просьбы и пожелания.

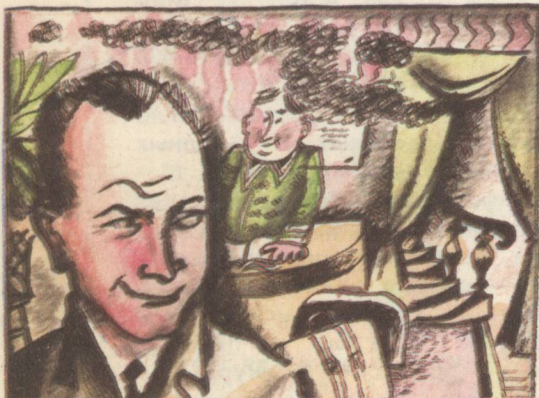
Редакция журнала благодарит всех, кто ответил на вопросы анкеты.

Рисунки
О. Филипенко

КАК ОНА НАЗЫВАЕТСЯ?

Астронома Тихо Браге спросили однажды, трудно ли открыть новую неизвестную звезду. — Трудно, — ответил ученый, — и пошутил: — Но еще труднее узнать, как она называется!

КАНАЛЫ НА МАРСЕ

Американский астроном Лоуvell в конце прошлого века заявил, что он видит в свой телескоп каналы на Марсе. Все ученые с нетерпением ждали постройки самого большого по тем временам телескопа Йоркской обсерватории. Когда могучий телескоп был готов, его навели на Марс и... каналов не обнаружили. Лоуvellу послали телеграмму: „К сожалению, для того чтобы разглядеть каналы на Марсе, наш телескоп слишком силен“.

ПЕПЕЛ

Итальянский физик Ферми любил записывать в блокнот остроумные объявления. В одной из гостиц он прочитал такую запись:

„Не курите в кровати! Пепел, который будет выметен отсюда, может оказаться вашим пеплом“.

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-15379. Сдано в набор 6/III 1978 г. Подписано к печати 28/IV 1978 г. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная. Печ. л. 8. Усл.-печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,37. Тираж 627 000 экз. Заказ 2144. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

1 июня —		
Международный день защиты детей		1
Степь	беседа с дважды Героем Социалистического Труда А. В. Гиталовым	2
На поле Куликовом	повесть О. Тихомирова	4
Про «Эдельвейс», село Джерге-тал и тропу чабана	очерк Т. Пчелкиной	10
Барaban	журнал юнкоров	
Погружение	очерк В. Шурлыгина	18
Петух	рассказ О. Орлова	20
Научись беречь землю	очерк И. Смольникова	22
Новости науки и техники		25
Переступень белый	повесть А. Леонова	27
Заводские истории	очерк В. Арро	40
Иванов	рассказ А. Моргуна	42
О Норике, Трояне и других дружных ребятах	очерк В. Кологрива	46
Львы на палубе	рассказ А. Гостомылова	48
Морская газета		50
Десять раз отмерь, один раз отрежь	сказка М. Корюна	52
Зеленые страницы	операция «Чудо-дерево»	54
Библиотека Кости Теркина		56
Уголёк	странички для малышей	57
Арчбек	раздел ведет заслуженный тренер СССР Ю. Барский	59
Поговорим о твоём рисунке		60
Олимпийская викторина		62
Анкета		63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

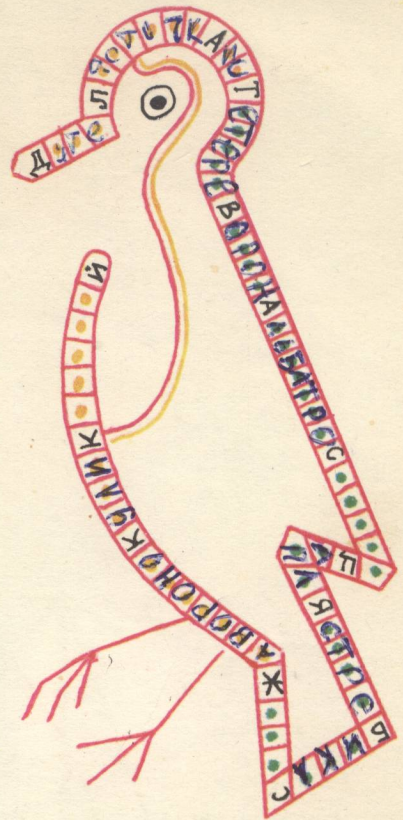
К Л Д Л Н Р И К
 И Ы С А С Ъ А Ц
 К К Ш В Ъ Э В Т
 О Ц А Ц А Ъ Е Е
 Л А А Н Д Е Р Е
 Ъ Н В - К Р Ф Н
 Л Т М К З Н Л В
 О Л К А У В Е Р
 Ч Д А Ч А О И И
 О Ю О Ё Е Е К А
 Ж Ш И Ц О Л А

Составил и оформил
 В. УФЛЯНД

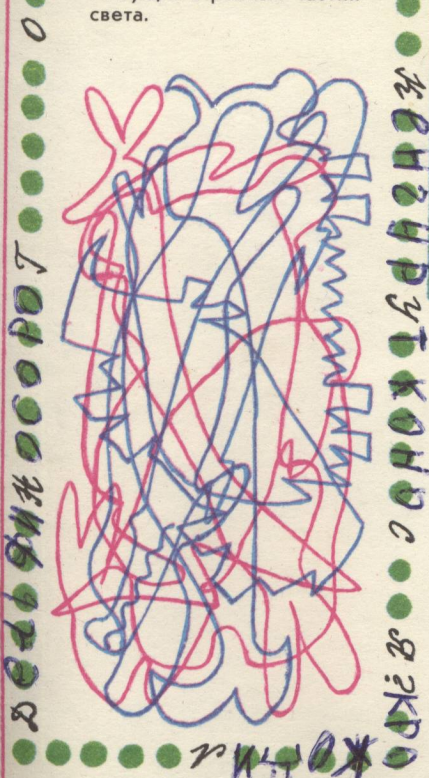
Чайнворд почетного члена клуба Наташи Вдовиной из деревни Воецкое Башкирской АССР. Впишите в клетки контура птицы, начиная с клюва, названия четырнадцати представителей пернатых. Последняя буква каждого слова является первой буквой последующего.

В головоломке Лены Кузьминой и Инессы Горещкой из Житомира надо поменять местами горизонтальные полосы с буквами так, чтобы по вертикали можно было прочесть названия двенадцати цветущих растений.

К Р О А В К А

Чайнворд Ильдара ЯРМУХАМЕТОВА из совхоза Тюряшевский Татарской АССР включает названия 14 животных, живущих в разных частях света.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5.

Криптограмма: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

Ребусы: «Все меня топчут, а я все лучше». «Сам худ, а голова с пуд».

Ы	К	О	Б	А	Ж	М	З	Л	Ф	Т
С	Т	Л	А	К	Д	А	П	О	Ц	Е
У	О	Б	Р	А	Ц	К	Е	А	О	Л
Е	Ш	Е	Ж	Т	Д	Р	О	С	Л	Т
Д	В	Н	А	В	А	А	С	Т	И	К
О	К	Н	Н	А	Д	Л	Е	К	К	А
К	А	Б	О	Н	Ф	Н	Ц	А	Н	Д

У Метаморфозова желтые усы, рыжая борода, черные брови, зеленый парик и розовые квадратные очки. Он единственный, у кого ни одна примета не совпадает с описанием в словесном портрете. У других некоторые приметы совпадают.

После очередного разоблачения волшебнику ничего не оставалось, как скрыться в дремучем лесу. Там он опять перевоплотился в одно из животных и, делая вид, что мирно пасется, на самом деле обдумывал свои очередные проделки. Помогите отряду звероловов выследить волшебника и отправить его в зоопарк. Известно, что волшебник плохо знает зоологию и, перевоплощаясь, кое-что напутал.

В заключение зеленого выпуска нашей странички головоломка для садоводов Людья ПАДЮКОВОЙ из Москвы: на прямоугольном участке надо посадить 7 деревьев так, чтобы у каждой из сторон их было по 2.

